

Плос. О. Книженской... 1847.

Граф Н. Уткинъ

Votre nom est Legend
et vous êtes plusieurs

16 juin v. st. 1854

St. Pétersbourg

A. Pouchkine

СТОЛЪТИЕ СМЕРТИ ПУШКИНА

1837—1937

Сто летъ СМЕРТИ Пушкина

ПАРИЖСКІЕ ОТКЛИКИ
въ 1837 году

собралъ
Лолій Лвовъ

Издание Комитета по устройству
Дня Русской Культуры
въ Франціи

ПАРИЖЪ
1937

Обложка, титульный листъ и концовка
работы художника
А л е к с а н д р а С е р е б р я к о в а .
Приложенный къ изданію портретъ Пушкина
воспроизводитъ гравюру Уткина въ
«Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 года
по экземпляру этого альманаха изъ бібліотеки
А. К. Семенченкова.

Tous droits réservés
Copyright by the autor
1937

I.

2-го февраля 1837 года (по старому стилю) виконтъ д'Аршіакъ, атташе французскаго посольства въ Петербургъ и секундантъ д'Антеса-Геккерна на дуэли съ Пушкинымъ, уѣзжалъ изъ Петербурга въ Парижъ, и А. И. Тургеневъ спѣшилъ воспользоваться этой оказіей, чтобы переслать съ нимъ письма. Одно изъ этихъ писемъ было его собственнымъ къ брату Николаю Ивановичу; другое — отъ Екатерины Андреевны Карамзиной, вдовы знаменитаго исторіографа, къ сыну Андрею, жившему въ то время въ Парижѣ. Въ этихъ письмахъ сообщалось о смерти Пушкина. Тотъ же д'Аршіакъ увозилъ тогда съ собой изъ Петербурга въ Парижъ и письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. О. Смирновой-Россети.

Виконтъ д'Аршіакъ, привезшій эти письма въ Парижъ, и явился для парижанъ вѣстникомъ гибели перваго русскаго поэта.

До нашихъ лѣтъ сохранились отвѣтныя письма къ Карамзиной ея сына Андрея Николаевича, и въ нихъ мы находимъ яркое запечатлѣніе того, какъ русская парижская колонія встрѣтила и переживала это горестное извѣстіе.

24-го февраля Андрей Карамзинъ писалъ въ Петербургъ матери*): «Я получилъ Ваше горестное письмо съ убійствен-

*) Извѣстно, что передъ смертью Пушкина вызвалъ къ себѣ Е. А. Карамзину и, прощаясь съ ней, просилъ ее перекрестить

нымъ извѣстіемъ, милая, добрая маменька, и до сихъ поръ не могу опомниться. Милый, свѣтлый Пушкинъ, тебя нѣтъ! Я плачу съ Россіей, плачу съ друзьями его, плачу съ несчастными жертвами (виновными или нѣтъ?) ужаснаго происшествія! Поздравьте отъ меня петербургское общество, маменька, — оно сработало славное дѣло! пошлыми сплетнями, низкою завистью къ Генію и къ красотѣ оно довело драму, имъ сочиненную, къ развязкѣ; поздравьте его, оно стоитъ того! Бѣдная Россія! Когда пишу вамъ эти строки, слезы капаютъ изъ глазъ — мнѣ грустно, неизъяснимо грустно!.. Пушкинъ, это высокое созданіе, оставилъ міръ, въ которомъ онъ не былъ счастливъ, возвратился въ отчизну всего прекраснаго... Нельзя и грѣшно искать виноватыхъ въ несчастныхъ... Бѣдная, бѣдная Наталья Николаевна!..»

Далѣе изъ этого же письма А. Н. Карамзина мы узнаемъ, какъ вѣсть о гибели Пушкина была воспринята въ тѣсномъ кругу его друзей, встрѣчавшихся въ тѣ дни въ Парижѣ у Смирновой-Россети*). «Сидя за столомъ у Смирновыхъ, — писалъ Карамзинъ, погрѣшая противъ русскаго синтаксиса, — мнѣ вручили ваше письмо, — прочелъ, вскрикнулъ и сообщилъ Смирновымъ. Александра Осиповна горько плакала. Вечеромъ собрались у нихъ Соболевскій, Пла-

себя. Жуковскій писалъ объ этомъ: «Свиданіе ихъ продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «Перекрестите меня» — потомъ поцѣловалъ у нея руку».

*) А. О. Смирнова-Россети, француженка по отцу и грузинка по матери, — знаменитая Россети Пушкина, не однажды воспѣтая имъ. Мы сохраняемъ Пушкинскую транскрипцію ея дѣвичьей фамилии: Россети, а не Россэ, какъ слѣдовало бы писать по-русски соотвѣтственно французскому начертанію **Rosset**. Приводимая здѣсь часть письма, за исключеніемъ строкъ со словъ «этотъ человѣкъ» до «Богъ имъ простить» — написана была по-русски.

тоновъ (этотъ человѣкъ, который всегда выставляетъ на видъ свое стоическое безчувствіе — рыдалъ, захлебываясь слезами) и исполненные чувствомъ дружбы, они разразились беспощадными анаемами... Богъ имъ простить, я не могъ имъ вторить ни сердцемъ, ни словами, и ушелъ, потому что мнѣ стало непріятно, и, я увѣренъ, что если бы великій покойникъ насъ могъ слушать, онъ поблагодарилъ бы меня. Онъ же сказалъ: «что бы ни случилось, ты ни въ чемъ не виновата. Да будетъ по словамъ его. Я не знаю, что сказать о Дантесѣ. Если правда, что онъ послѣ свадьбы продолжалъ говорить о любви Натальѣ Николаевнѣ, то онъ осужденъ (*il est jugé*), но я не могу и не хочу вѣрить...» «Неужели, — восклицалъ тутъ же молодой Карамзинъ, — не откроется змѣя, написавшая безъимянные письма, и клеймо всеобщаго презрѣнія не приложится къ лицу злодѣя и не прогонитъ его на край свѣта! Божеское правосудіе должно бы открыть его...»

Къ этому письму молодой Карамзинъ сдѣлалъ такую приписку: «У Смирновыхъ обѣдалъ Гоголь: трогательно и жалко смотрѣть какъ на этого человѣка подѣйствовало извѣстіе о смерти Пушкина. Онъ совсѣмъ съ тѣхъ поръ не свой. Бросилъ то, что писалъ, и съ тоской думаетъ о возвращеніи въ Петербургъ, который опустѣлъ для него»*).

Этотъ обѣдъ у Смирновыхъ состоялся 2-го марта, и къ этому времени уже и сама Александра Осиповна получила письмо съ рассказомъ о смерти Пушкина. Письмо это написалъ ей князь П. А. Вяземскій. «Что скажете вы, — писалъ въ этомъ письмѣ кн. Вяземскій, — объ ужасномъ несчастіи, которое обрушилось на наши головы, какъ громовой ударъ, когда мы всего менѣе того ожидали, хотя, сказать по прав-

*) Гоголь жилъ въ это время въ Парижѣ на площади Биржи въ домѣ № 13.

дѣ, послѣ этихъ гнусныхъ анонимныхъ писемъ, небосклонъ надъ бѣднымъ Пушкинымъ былъ постоянно окутанъ тучами. Вашъ братъ*) конечно, сообщитъ вамъ подробности того, что случилось. Что касается меня, то въ данную минуту у меня не хватаетъ ни рѣшимости, ни силъ, ни времени писать вамъ объ этомъ пространно...» Въ этомъ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго сохранился далѣе краткій рассказъ о подробностяхъ смерти Пушкина, о томъ что предшествовало дуэли: о неистовомъ бѣшенствѣ Пушкина до дуэли и о спокойныхъ и достойныхъ предсмертныхъ его часахъ, о преступномъ поведеніи по отношенію къ нему петербургскаго высшаго свѣта и объ отвѣтственности послѣдняго за его гибель, и, наоборотъ, о благородствѣ, проявленномъ по отношенію къ Пушкину государемъ, и въ то же время о нелѣпыхъ распоряженіяхъ на похоронахъ петербургскихъ полицейскихъ властей.

Николай Ивановичъ Тургеневъ также въ эти дни въ Парижѣ читалъ письмо о смерти Пушкина. Его братъ, Александръ Ивановичъ, подробно описывалъ ему все пережитое у постели умирающаго. «Я провелъ, — писалъ А. И. Тургеневъ, — почти двое сутокъ у кровати Пушкина, — онъ раненъ въ 4 1/2 пополудни 27 января, а скончался 29-го въ 2 3/4 пополудни въ день рожденія Жуковскаго, который теперь для его семейства Ангеломъ Хранителемъ. Онъ, Велгурскій, Вяземскій и я не отходили отъ страдальца: Арндтъ, Спасскій, другъ его и Докторъ Даль облегчали послѣднія минуты его. Жена, за которую дрались, въ ужасномъ положеніи. Она невинна, развѣ одно кокетство омрачило ее душу и теперь страшитъ ее воспоминаніями...»

*) Существуетъ рассказъ о томъ, что именно Аркадій Осип. Россети перенесъ на рукахъ Пушкина послѣ смерти съ дивана на столъ (объ этомъ сообщилъ П. И. Бартеневъ).

С. А. Соболевскій также получилъ въ это время письмо съ извѣщеніемъ о смерти Пушкина: оно было отъ его «компаньона» Ив. Серг. Мальцова, который писалъ: «я долженъ сообщить тебѣ грустную вѣсть, любезный Соболевскій, — нашего милаго и любезнаго А. С. Пушкина уже нѣтъ на свѣтѣ. — Онъ стрѣлялся съ своимъ своякомъ Дантесомъ и черезъ два дня послѣ неизъяснимыхъ мученій умеръ отъ послѣдствія раны...»

Виконтъ д'Аршіакъ своими устными разсказами долженъ былъ восполнить заключающіяся въ этихъ письмахъ сообщенія о гибели Пушкина. Тургеневъ писалъ многорѣчиво, не скупясь на слова, но и онъ рекомендовалъ брату за еще большими подробностями обратиться къ очевидцу дуэли д'Аршіаку: «Податель этого письма виконтъ д'Аршіакъ разскажетъ вамъ на словахъ все, что произошло здѣсь въ эти дни...», писалъ онъ и прибавлялъ къ этому, оговариваясь, что д'Аршіаку, какъ иностранцу, недоступно полное постиженіе всей огромной трагичности потери Пушкина: «д'Аршіакъ разскажетъ тебѣ все, но не перескажетъ тебѣ нашего горя, ибо онъ не понимаетъ его...» Въ другомъ мѣстѣ въ томъ же письмѣ А. И. Тургеневъ заклиналъ брата: «Пожалуйста повидайся и познакомься съ Аршіакомъ: онъ малый добрый и умный...» Одновременно и кн. П. А. Вяземскій писалъ А. О. Смирновой: «это письмо отправляется съ д'Аршіакомъ, который былъ секундантомъ Геккерна. Онъ сможетъ сообщить вамъ подробности этого печальнаго дѣла. Это — честный человѣкъ...»

Виконтъ д'Аршіакъ вмѣстѣ съ письмами Карамзиной, Тургенева и кн. Вяземскаго привезъ изъ Петербурга и текстъ роковаго послѣдняго Пушкинскаго письма, того бѣшенаго письма, которое Пушкинъ адресовалъ голландскому посланнику Геккерну и которое сдѣлало дуэль неотвратимой «Д'Аршіакъ, — писалъ А. И. Тургеневъ брату, — мо-

жетъ быть, прочтеть вамъ письмо, которое онъ (Пушкинъ) написалъ отцу своего противника...»

Такъ узнали русскіе, жившіе въ это время въ Парижѣ, о смерти Пушкина. Съ 28 февраля гибель Пушкина станеть достояніемъ и парижской прессы...

Въ письмахъ молодого Карамзина, бывшаго въ эту пору въ Парижѣ завсегдатаемъ у А. О. Смирновой-Россети, содержится не мало интересныхъ подробностей о томъ, какъ русскіе парижане, встрѣтили эту вѣсть. 25 февраля (13 марта по н. ст.) онъ писалъ: «Сейчасъ выходитъ изъ комнаты Соболевскій. Ему пришла въ голову хорошая мысль: онъ предлагаетъ открыть по Россіи подписку для дѣтей Пушкина и оставить проценты съ капитала до замужества дочерей и до полного возраста сына. Онъ будетъ объ этомъ самъ писать Жуковскому...» 28 февраля Карамзинъ отмѣчалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ роковое извѣстіе достигло меня и русскую братію въ Парижѣ, наши сердца и взоры съ тоской устремились на великаго покойника, и мы жадно ожидали подробностей. Если, что можетъ здѣсь утѣшить друга отечества и друга Пушкина, такъ это всеобщее сочувствіе, возбужденное его смертью. Оно тронуло и обрадовало меня до слезъ!..» Но тогда же Карамзинъ сообщалъ матери и иное (по французски): «Исторія д'Антеса, Пушкина и компаніи есть не только исторія въ духѣ Бальзака, но также исторія въ жанрѣ исторіи Фрэже, и она заставляетъ работать мозги нашего маленькаго кружка русскихъ парижанъ совершенно такъ же, какъ и ваши...»

1-го марта въ Парижѣ была отслужена русская панихида по Пушкину. «Въ воскресеніе послѣ обѣдни отслужили мы панихиду Пушкину», — писалъ Андрей Карамзинъ, который сообщалъ матери и нѣкоторыя примѣчательныя подробности объ этомъ: «священникъ обрадовался, когда

узналъ, что я Карамзинъ, сынъ Николая Михайловича, но скоро разочаровалъ меня наивно-глупымъ размышленіемъ: я объявилъ ему о нашемъ горѣ: «А. С. Пушкинъ убитъ на дуэли!» — «Какъ же это можно-съ, вѣдъ дуэли запрещены».

Молодого, болѣзненно переживавшаго утрату Пушкина, 23-лѣтняго Андрея Ник. Карамзина больно задѣвало всякое недостаточно внимательное или даже только формально-безразличное отношеніе къ смерти Пушкина. Однако, не всѣ были пылкими друзьями Пушкина въ ту пору, и ему въ тѣ дни приходилось порою сталкиваться и не только съ спокойнымъ безразличіемъ, но и съ прямымъ осужденіемъ того, кто былъ такъ безконечно ему дорогъ. Будучи въ гостяхъ у С. П. Свѣчиной, онъ затѣялъ у нея споръ, сразу же принявшій острый характеръ, съ присутствовавшимъ тамъ Николаемъ Паленомъ. «Я засталъ у нея, — писалъ онъ, — Николая Палена, брата посла; разговоръ скоро обратился къ Пушкину, и нѣмецъ вздумалъ запѣть по своему, что-де Пушкинъ виноватъ, что онъ-де съ ума сходилъ и проч. *lieux communs* (общія мѣста), да не на того, сердечный, напалъ. Я съ своей стороны, гораздо подробнѣе, обстоятельнѣе и вѣрнѣе рассказалъ всю исторію и не могъ выдержать, чтобы не задѣть прекрасное общество. **Онъ** (письмо написано было дальше по-французски): — «это только чернь проявляла этнузіазмъ, но общество, среди котораго Пушкинъ жилъ, располагало большимъ правомъ судить о немъ...» **Я:** — «это общество не имѣло на то никакого права. Оно не признавало Пушкина, изъ-за зависти — или я не знаю почему оно было всегда враждебно по отношенію къ нему, и послѣ его смерти оно оказалось предателемъ славы и симпатій національныхъ, и поэтому заслуживаетъ презрѣнія. Что касается тѣхъ, кого вы именуете чернью, то это военные, гражданскіе чиновники, артисты, купечество и весь добрый русскій народъ. Его одобреніе стоитъ много боль-

ше, чѣмъ сужденія узурпаторской и лишенной авторитета кучки»... «Мой нѣмецъ, — прибавляетъ Карамзинъ уже по-русски къ этой французской записи своего діалога, — замолчалъ, и хорошо сдѣлалъ...»

Подобные споры о дуэли Пушкина, и о самомъ Пушкинѣ, о его исключительно высокомъ мѣстѣ въ пантеонѣ русской славы — вель въ эти дни въ Парижѣ не одинъ только молодой Карамзинъ. Съ особеннымъ жаромъ и ожесточеніемъ, порою, должно быть, переходящими границы принятаго и дозволеннаго, вступался за Пушкина и Н. М. Смирновъ (мужъ А. О. Смирновой-Россети), не слишкомъ мудрый, но — по отзывамъ его друзей — добрый, во всѣхъ отношеніяхъ благородный и честный, хотя и взбалмошный и горячій иногда до бѣшенства. Объ его яростной защитѣ правоты Пушкина упоминаетъ и д'Аршіакъ въ одной фразѣ своего письма отъ тѣхъ дней: «г. Смирновъ, между прочимъ, былъ нелѣпъ...» Въ письмѣ Карамзина мы находимъ также разсказъ о его схваткѣ за Пушкина съ совѣтникомъ посольства гр. Пав. Ив. Медемомъ: «Медемъ, членъ нашего нѣмецкаго посольства (такъ именовалъ Андрей Карамзинъ наше російское представительство въ Парижѣ — подчеркивая тѣмъ самымъ фактъ преобладанія въ немъ нѣмецкаго элемента), чуть не выцарапалъ глаза Смирнову за то, что онъ назвалъ Пушкина самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи, и прибавилъ: «Пушкинъ писалъ красивые стихи, это вѣрно, но популярность пришла къ нему только отъ его сатиры противъ правительства»... «Ужъ эти нѣмцы безъотечественные!.. — восклицалъ Карамзинъ, — непричастные русской славѣ и русскимъ чувствамъ, долго-ли имъ хмѣлиться на чужомъ пиру!..»

Въ эти же дни, въ самыхъ нѣдрахъ російскаго посольства въ Парижѣ по поводу дуэли Пушкина разыгрался какой то неприятный инцидентъ, въ центрѣ котораго оказал-

ся старшій секретарь посольства Вас. Ив. Шписъ. Виконтъ д'Аршіакъ писалъ 15-го марта въ Петербургъ: «Парижъ былъ весьма занятъ исторіей съ Жоржемъ (д'Антесомъ-Геккерномъ). По приѣздѣ я засталъ отца страшно возбужденнымъ (т. е. своего отца, который былъ встревоженъ возможными неприятностями для сына вслѣдствіе его участія въ дуэли Пушкина въ качествѣ секунданта); онъ видѣлся съ однимъ русскимъ изъ посольства Шписомъ, который не зналъ, какъ было дѣло, и тѣмъ не менѣе, рассказывалъ и вслѣдствіе этого несъ всякій вздоръ. Я былъ въ русскомъ посольствѣ (не у посланника), гдѣ рассказалъ, какъ было дѣло, и тогда все измѣнилось. Медемъ (совѣтникъ посольства) былъ чрезвычайно любезенъ со мною... Шписъ принесъ публичное покаяніе...» Спустя два дня въ другомъ письмѣ въ Петербургъ (къ гр. де Монтесюи) д'Аршіакъ напишетъ также: «Русское посольство отнеслось къ дѣлу, какъ должно. Нѣкоторые русскіе отнесли иначе; г. Смирновъ, между прочимъ, былъ нелѣпъ...»

Виконтъ д'Аршіакъ, секундантъ на дуэли д'Антеса-Геккерна, въ Петербургѣ принадлежалъ къ составу французскаго посольства, возглавляемаго тогда Барантомъ*), и это участіе

*) Совсѣмъ незадолго до дуэли Барантъ, встрѣтившись съ Пушкинымъ въ одномъ изъ петербургскихъ салоновъ, говорилъ съ нимъ о переводѣ на французскій языкъ «Капитанской Дочки». 9 января А. И. Тургеневъ писалъ въ Москву: «Два дня тому назадъ мы провели восхитительный вечеръ у австрійскаго посланника; этотъ вечеръ напомнилъ мнѣ интимнѣйшіе парижскіе салоны. Образовался маленькій кружокъ, состоявшій изъ Баранта, Пушкина, Вяземскаго, прусскаго посла и вашего покорнаго слуги... Разговоръ былъ разнообразнымъ, блестящій и полный большого интереса, такъ какъ Барантъ намъ рассказывалъ пикантныя вещи о Талейранѣ и его мемуарахъ... Вяземскій со своей стороны отпустилъ словечки, достойныя его оригинальнаго ума, Пушкинъ раз-

официального иностранца въ запрещенной русскими законами дуэли. къ тому же окончившейся гибелью перваго русскаго поэта, создало нѣкоторый дипломатическій переполохъ, и д'Аршіаку пришлось спѣшно покинуть Петербургъ (въ отпускъ, какъ это предполагалось первоначально). По прїѣздѣ въ Парижъ д'Аршіакъ, естественно, не безъ нѣкотораго безпокойства ожидалъ, какъ отнесется къ его участию въ Пушкинской дуэли его министерство иностранныхъ дѣлъ, и потому съ удовлетвореніемъ сообщалъ нѣсколько позднѣе — 15 марта — въ Петербургъ: «я не слышалъ ни одного упрека по моему адресу. Г. Моле (тогдашній французскій министръ иностр. дѣлъ) сказалъ мнѣ, что нечего возразить противъ того, что все произошло...»

Итакъ, мы видимъ, что и въ Парижѣ, какъ и въ Петербургѣ, передъ фактомъ горестной гибели Пушкина обозначилось рѣзкое противостояніе двухъ міровъ: міра чиновнаго, великосвѣтски-придворнаго, по-Карамзинской терминологіи, — «нѣмецкаго», высокомѣрно и снисходительно расцѣнивавашаго явленіе Пушкина въ русской культурѣ, — и Пушкинской интеллигенціи, для которой Пушкинъ былъ великимъ поэтомъ... Въ Парижѣ А. О. Смирнова-Россети читала въ письмѣ кн. Вяземскаго, писавшаго съ горечью объ этомъ петербургскомъ расколѣ: «Горько его оплакивать, но горько также и знать, что высшій свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, часть его, съ злорадствомъ растерзавъ его сердце при его

сказывалъ намъ анекдоты, черты изъ жизни Петра I, Екатерины II... Повѣсть Пушкина: «Капитанская Дочка» такъ здѣсь прославилась, что Барантъ предлагалъ автору при мнѣ перевести ее на франц. съ его помощью...» Изъ записи въ дневникѣ А. И. Тургенева и изъ другаго его письма мы знаемъ, что на погребеніи Пушкина общее вниманіе привлекло къ себѣ разстроенное, горестное лицо Баранта.

жизни, ожесточается также и противъ его трупa. Забываютъ, не знаютъ, однако, что мы потеряли одну изъ національныхъ славъ, самую могущественную, самую жизненную, можетъ быть, изъ нашихъ славъ; что жизнь Пушкина была для Россіи, послѣ жизни Императора, наиболѣе драгоценной, всего болѣе принадлежавшей всей націи...*). Разрывъ между пренебрегавшей Пушкинымъ петербургской придворной знатью, съ одной стороны, и просто образованной, Пушкинской, Россіей, съ другой, сказался въ тѣ дни и въ ограниченномъ, тѣсномъ, кругу русскихъ, проживавшихъ тогда въ Парижѣ. Здѣсь съ различной оцѣнкой національнаго значенія и мѣста Пушкина противостояли въ взаимномъ непониманіи и отчужденіи другъ другу: съ одной стороны, «нѣмецкое», какъ его называлъ молодой Карамзинъ, посольство, возглавлявшееся гр. Паленомъ, а съ другой стороны, верхи русской интеллигенціи въ лицѣ Смирновой, Соболевскаго, Тургенева, Карамзина, Гоголя...

Вслѣдъ за первыми петербургскими письмами о гибели Пушкина, привезенными д'Аршіакомъ — тѣмъ же путемъ, т. е. при посредничествѣ французскихъ дипломатическихъ курьеровъ, въ Парижѣ были получены новыя письма съ новыми подробностями о трагедіи Пушкина. А. О. Смирнова-Россети получила второе письмо отъ кн. П. А. Вяземскаго (оно было отъ 2-14 марта): «Вамъ и вашему мужу, — писалъ послѣдній, — будетъ, конечно, любопытно узнать еще нѣкоторыя подробности о смерти нашего дорогого Пушкина. Вотъ копія моего письма къ Булгакову, которое вамъ и сообщить ихъ».

Въ этомъ же письмѣ кн. П. А. Вяземскій сѣтовалъ на то,

*) 31-го января (по ст. ст.) 1837 года А. И. Тургеневъ съ горечью записалъ въ дневникѣ: «Знать наша не знаетъ славы русской, олицетворенной въ Пушкинѣ»...

что ему не удалось отправить въ Парижъ нѣсколько документовъ, касающихся злосчастнаго судебного процесса о дуэли, и, посылая новый портретъ Пушкина, разсказаль о его цензурныхъ злключеніяхъ: «Вотъ также скверный портретъ Пушкина, имѣющій интересъ только по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Надпись, которую вы найдете зачеркнутой рукой полиціи, взята изъ «Онѣгина»: «Потухъ огонь на алтарѣ!». Полиція захотѣла увидѣть въ этомъ несчастіе. Вообще журналамъ не разрѣшается болѣе говорить о немъ. На его смерть было сочинено много стиховъ, и какъ вы себѣ хорошо представляете, по большей части, совершенно невинныхъ (напр., Эспера Бѣлосельскаго, Норова-деревянной ноги); они всѣ заключены въ папкахъ полиціи...»

Кн. П. А. Вяземскій не послалъ Смирновой-Россети этихъ стиховъ, но по Парижу уже ходили тогда другіе пламенные стихи на смерть поэта, явившіеся поводомъ для ссылки на Кавказъ ихъ автора — вдохновеннаго русскаго поэта. Это были стихи гнѣвнаго, раздраженнаго Лермонтова. Скорбный, бичующе-обличительный откликъ Лермонтова на смерть Пушкина былъ полученъ въ Парижѣ Ник. Ив. Тургеневымъ — въ письмѣ отъ его брата. «Съ курьеромъ посылаю тебѣ стихи на смерть Пушкина прекрасные», — писалъ ему А. И. Тургеневъ 19 февраля 1837 года.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести...

.....

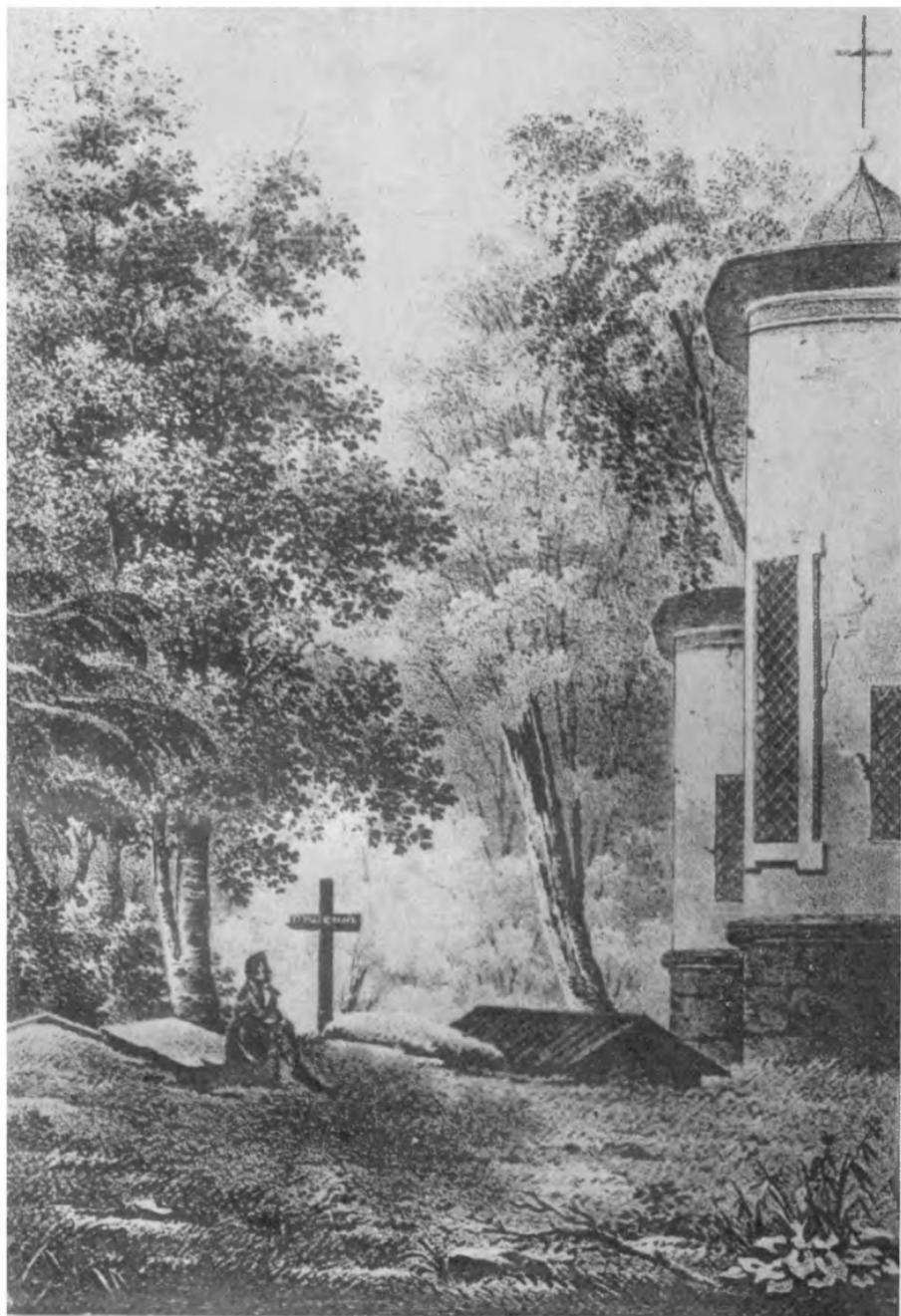
Отравлены его послѣднія мгновенья

Коварнымъ шопотомъ насмѣшливыхъ невѣждъ,

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,

Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

«Что-жь! Веселитесь... Онъ мученій послѣднихъ перенести не могъ!» — этотъ обличительный, гнѣвный, бушующій вопль язвительно-мстительнаго Лермонтова удивительно соотвѣтствуетъ восклицанію, тогда же вырвавшемуся изъ

Видъ могилы А. С. Пушкина, при Святогорскомъ монастырѣ,
вскорѣ послѣ погребенія 1837 г.

(По рис. художн. Соколова, изъ собр. П. А. Ефремова).

души столь же молодого, но совсѣмъ иного по душевному складу, добраго, тяготѣвшаго къ чувствамъ христіанскаго всепрощенія, Андрея Карамзина: «поздравьте отъ меня Петербургское общество, маменька, оно сработало славное дѣло!..»

Нѣсколько позднѣе А. И. Тургеневъ отправилъ въ Парижъ и заключительную строфу Лермонтова къ этому надгробному его Пушкинскому слову:

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ...
.....
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

А. И. Тургеневъ, посылая стихи Лермонтова, писалъ при этомъ: «Процессъ о дуэли все еще не оконченъ. А пока Лермонтовъ, который прибавилъ къ своимъ прекраснымъ стихамъ строфу, вѣроятно, внушенную ему городскими слухами, разжалованъ въ Армію и будетъ отправленъ на Кавказъ. Вотъ стихи съ пресловутой строфой, о которой я узналъ только спустя много времени послѣ стиховъ...»

Такъ доносился до Парижа петербургскій глухой гулъ и ропоть, вызванный смертью Пушкина. Русскіе парижане въ свою очередь писали въ Петербургъ о томъ, какъ переживали они вѣсть о гибели поэта, и кн. П. А. Вяземскій читалъ тогда такія прекрасныя строки, содержащіяся въ письмѣ, написанномъ ему А. О. Смирновой-Россети: «Вы меня забываете, хотя вы должны были бы сообщить мнѣ еще нѣсколько подробностей о горестномъ событіи. Правда, для друзей Пушкина и для друзей Россіи, все уже высказано. Въ сегодняшней «Ревю де Пари» есть статья «Легенды о поэтахъ». Въ ней припоминаются всѣ великіе гении: всѣ они

несчастные, преслѣдуемые или обществомъ, или правительствомъ, непризнанные, оклеветанные, умирающіе въ тюрьмахъ или въ нищетѣ. Въ статьѣ не упоминается Пушкинъ, а, однако, ничего нѣтъ болѣе раздирающе-поэтическаго, какъ его жизнь и его смерть. Я такъ же была здѣсь оскорблена и глубоко оскорблена, какъ и вы, несправедливостью общества. А потому я о немъ не говорю. Я молчу съ тѣми, которые меня не понимаютъ. Воспоминаніе о немъ сохраняется во мнѣ недостижимымъ и чистымъ. Много вещей имѣла бы я вамъ сообщить о Пушкинѣ, о людяхъ и дѣлахъ; но на словахъ, потому что я побаиваюсь письменныхъ сообщений...»

Эти строки написала та, «черкесскіе глаза» которой Пушкинъ воспѣлъ въ своихъ энергическихъ стихахъ, о которой шуточно и весело по сей день звучатъ Пушкинскіе стихи:

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ тѣ тѣ и тѣ тѣ тѣ...

— та прекрасная Россети, которой Пушкинъ сложилъ поэтическую характеристику отъ ея собственнаго лица, открывъ ея преподнесенную ей тетрадь, побуждая ее писать въ ней свои «историческія записи»:

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взглядъ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный
И, какъ дитя, была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло...

Кромѣ письма А. О. Смирновой-Россети до насъ дошелъ откликъ на смерть Пушкина и въ другомъ, нѣсколько болѣе позднемъ парижскомъ письмѣ — оно было написано графиней де Сиркуръ, видимо, уже много мѣсяцевъ спустя послѣ гибели Пушкина, Жуковскому: «Этой зимой, — читаемъ въ этомъ письмѣ, — когда вѣсть о гибели Пушкина дошла сюда, я собиралась вамъ писать. Мое сердце, полное горечи, было въ совершенномъ согласіи съ вашимъ. Но что я могла сказать вамъ. Повторять выраженія вашего собственнаго горя? Но эти выраженія являются достояніемъ только поэта: онъ одинъ можетъ заставить свою лиру издавать жалобные звуки, которые утѣшаютъ душу, вмѣсто того, чтобы ее терзать. Я увидала васъ впервые въ присутствіи Пушкина — и я всегда воспоминаю этотъ моментъ — въ жизни мало бываетъ подобныхъ минутъ. Вся русская часть моего естества оживала въ присутствіи самыхъ прекрасныхъ талантовъ моей страны: я чувствовала себя гордой ихъ славой, признательной имъ за всѣ гармоническія созвучія, которыя они извлекли изъ нашей рѣчи. Во время этого слишкомъ короткаго пребыванія въ Петербургѣ я видѣла Пушкина часто и больше, чѣмъ васъ... Его духъ прорицанія по отношенію ко всему, что онъ постигалъ лишь умомъ, меня поражалъ такъ же, какъ и поэтической оборотъ, который помимо его воли принимала его мысль по отношенію ко всѣмъ вещамъ: его разговоръ изобличалъ передо мною ту зрѣлость, которой я еще не находила въ его самыхъ прекрасныхъ стихахъ: я разсталась съ нимъ, предвидя его безпримѣрную, блестящую будущность, ожидая всего, кромѣ его столь близкой кончины... Послѣ я нашла запечатлѣнными въ моей памяти наималѣйшія подробности разговоровъ; все въ немъ было отмѣчено безспорнымъ превосходствомъ, которое всегда отличало его. Ваше письмо къ его отцу изумительно; мнѣ кажется, что я также присутствовала въ тѣ торжественные

моменты, которые вы описываете, какъ другъ и какъ историкъ. Я въ особенности была поражена здѣсь описаніемъ перваго отраженія смерти, которому вы придали столько достоинства и которое есть начало вѣчности. Это — молнія, которую вы сумѣли запечатлѣть навѣки...»

Графиня Сиркуръ, писавшая эти строки, была русской по происхожденію. Урожденная Хлюстина, Анастасія Семеновна, графиня де Сиркуръ, въ ранней молодости по нездоровью выѣхала вмѣстѣ съ матерью (урожденной гр. Толстой) за границу*). Они проживали нѣкоторое время во Франціи, а затѣмъ переѣхали въ Женеву, гдѣ 19-лѣтней дѣвушкой *mademoiselle Anastasie* сумѣла очаровать и плѣнить сердца многихъ знаменитыхъ людей того времени, начиная съ влюбившагося въ нее Карла Бонштетена, маститаго ботаника Огюстена Пирамюса де-Кандоля, Чокэ и другихъ швейцарцевъ старшаго поколѣнія, а также историка-экономиста Сисмонди, до молодыхъ претендентовъ на ея сердце и руку, каковыми оказались вдохновенный Мицкевичъ и предпочтенный ему, въ 1830 году послѣ іюльской революціи эмигрировавшій изъ Парижа, графъ Адольфъ де Сиркуръ. Позднѣе, во время путешествія по Италіи, професоръ Пизанскаго университета Джіованни Розини посвятилъ ей свой романъ «Луиза Строцци», а археологъ и искусствовѣдъ Висконти — свой сборникъ романскихъ народныхъ пѣсенъ; тогда же «*Académie des Arcades*» включить ее въ число своихъ членовъ подъ именемъ Коринны съ Борисфена

*) Имѣніе Хлюстиныхъ, Троицкое, было расположено въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, по близости отъ Полотнянаго завода Гончаровыхъ. Тамъ въ 30-хъ годахъ проживалъ часто братъ графини Сиркуръ Сем. Сем. Хлюстинъ, не однажды упоминающійся въ письмахъ Пушкина и одинъ разъ чуть не вынужденный драться съ нимъ на дуэли.

(Corinne Boristhénide). Еще до ея замужества женевская «Bibliothèque Universelle» напечатала ея энергическое и занимательное «Письмо о современномъ состояніи русской литературы». Это письмо было первоначально написано ею какъ частное письмо къ Пирамюсу Кандоллю, главному редактору этого журнала, и въ этомъ письмѣ еще тогда — это было въ 1829 г. — нѣсколько страничекъ были посвящены Жуковскому и «нашему Тиртею» Александру Пушкину, съ приложеніемъ французскаго перевода нѣсколькихъ строкъ «Кавказскаго Плѣнника»^{*)}). Въ 1836 году по возвращеніи ея мужа, примирившагося съ іюльской монархіей, въ Парижѣ, она вмѣстѣ съ нимъ на нѣсколько мѣсяцевъ ѣздила на родину, и именно тогда и состоялись тѣ встрѣчи Сиркуровъ съ Пушкинымъ, о которыхъ она вспоминала въ вышеприведенномъ письмѣ къ Жуковскому. Въ 1837 году, ко времени гибели Пушкина, парижскій салонъ Сиркуровъ врядъ ли еще получилъ ту извѣстность, какую получить онъ нѣсколько позже, когда завсегдатаями его станутъ и Тьеръ, и Кавуръ, и Ламартинъ, и Сисмонди, и многіе другіе и въ ихъ числѣ и Сэнъ-Бёвъ, который въ напечатанномъ въ «Constitutionnel» ѣ некрологѣ гр. А. Сиркура позднѣе рассказалъ объ этомъ парижскомъ салонѣ.

Парижское письмо графини Сиркуръ къ Жуковскому было, хотя и парижскимъ, но все же русскимъ откликомъ на смерть Пушкина. Но намъ извѣстенъ и другой откликъ на трагическую кончину Пушкина, исходящій отъ свѣтской парижанки и писательницы. То была знаменитая въ тѣ времена писательница-драматургъ, собиравшая въ свой салонъ многихъ именитыхъ людей — Виржинія Ансело, которая, подводя итоги своей жизни и рассказывая о своемъ париж-

^{*)} Послѣ въ этомъ же журналѣ была напечатана ея статья о «Юріѣ Милославскомъ» Загоскина.

скомъ салонѣ, среди излюбленныхъ своихъ гостей назоветъ въ «толпѣ очаровательныхъ русскихъ людей» — князей Барятинскихъ, графиню Толстую, кн. Вяземскаго, А. И. Тургенева, кн. Мещерскаго, молодого Карамзина, Соболевскаго... Ея супругъ Жакъ Ансело ѣздилъ въ Россію на коронацію Императора Николая I и посвятилъ послѣдному стихотворный панегирикъ, а также написалъ любопытную книгу «Шесть мѣсяцевъ въ Россіи» (1827), въ которой нѣсколько строкъ было отведено и Пушкину, «юному поэту съ большимъ талантомъ» и гдѣ данъ былъ прозаическій переводъ на французскій языкъ его (безъ указанія, впрочемъ, на авторство Пушкина) крамольнаго «Кинжала»^{*)}. Виржинія Ансело не

^{*)} Эта поѣздка Ансело въ Россію оставила слѣдъ въ перепискѣ Пушкина — Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому 27 мая 1826 г. изъ своей ссылки, когда до него дошла вѣсть о петербургскомъ чествованіи Жака Ансело: «...читалъ я въ газетахъ, что Лансло (*Lancelot* — такъ ошибочно называлъ его Пушкинъ) въ П. Б. чортъ ли въ немъ! Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ — кто эти безсмертные? Считаю и не дощитаюсь. Когда пріѣдешь въ П. Б. овладѣй этимъ Лансело (котораго я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакамъ Отечественной Словесности. Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда... — при Англичанахъ дурачимъ Василія Львовича; предъ Мадамъ де Сталь заставляемъ Милорадовича отличать въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: «Мальчикъ! забавляй Гекторку (Датскаго кобеля)!» Мы хотимъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко...» Сохранился въ бумагахъ Пушкина также язвительный отзывъ Пушкина о сужденіяхъ Ансело о русской литературѣ, поскольку такія содержались въ книгѣ «Шесть мѣсяцевъ въ Россіи»: «Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то граматикѣ, утвердившей правила нашего языка, и еще неизданной, о какомъ то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукопи-

ѣздила въ Россію, но русскихъ любила и жаловала («я съ очень ранней юности любила общаться съ русскими», отмѣтила она, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ) и, кромѣ того, Россія была безразлична для нея уже потому, что ея пьесы шли и въ русскихъ театрахъ. Послѣ смерти Пушкина въ мартѣ 1837 года въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, благодаря его за присланную петербургскую афишку съ обозначеніемъ прошедшей на петербургской сценѣ ея пьесы, Виржинія Ансело писала: «меня уже играютъ или будутъ играть на всѣхъ сценахъ большихъ городовъ Европы, но мнѣніемъ эlegantнаго русскаго общества я интересуюсь болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ. Вы понимаете, что я очень сочувствую вашей горести по поводу смерти г. Пушкина, нѣсколько произведеній котораго я знала и восхищалась ими. Смерть, небытіе — вс эот очень печально, но это же жизнь!..»

Эти немногія строки Виржиніи Ансело, являясь, конечно, лишь актомъ общеобязательной вѣжливости, все же свидѣтельствуютъ, что вѣсть о трагической гибели перваго русскаго поэта въ той или иной мѣрѣ дошла и до Парижа не только русскихъ парижанъ. Въ салоны Рекамье (молодой Карамзинъ въ письмахъ къ матери часто упоминаетъ о своихъ визитахъ къ Рекамье), С. П. Свѣчиной, Ансело, Сиркуровъ, и во всѣ другіе салоны русскіе приносили съ собой свои рассказы о петербургской трагедіи конца января 1837 года и свои переживанія, вызванныя гибелью великаго поэта. Споры и толки не могли въ той или иной мѣрѣ не затронуть и избраннаго парижскаго общества. Гибелью Пушкина не могли не заинтересоваться тогда парижане, тѣмъ болѣе, что и парижскія газеты, какъ увидимъ сейчасъ, не безмолвствовали объ этомъ русскомъ событіи.

си, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра, и еще негранный и ненапечатанной. Забавная словесность!..»

Спустя два года послѣ гибели Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, врядь ли не у Рекамье встрѣтившись съ Шатобріаномъ, завелъ съ нимъ разговоръ по поводу Пушкинскаго отзыва на его, Шатобріановскій, переводъ «Потеряннаго Рая». Онъ услышалъ отъ Шатобріана такія слова: «Князь, я съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ статью, которую вы были столь любезны перевести мнѣ. Я не искалъ въ ней самого себя, я интересовался въ ней знаменитымъ поэтомъ, котораго Франція оплакиваетъ вмѣстѣ съ Россіей. Поддержка со стороны Пушкина заставила бы меня слишкомъ возгордиться, если бы я только придавалъ какое-либо значеніе своей незначительности...» Эти уничижительно-смиренныя слова были сказаны въ 1839 году, а ровно за годъ до этого Шатобріана часто встрѣчалъ у Рекамье и А. И. Тургеневъ, и не слышалъ ли тотъ же Шатобріанъ и въ пушкинскіе дни 1837 года русскихъ разговоровъ о несчастіи, обрушившемся на Россію, внезапно потерявшую своего перваго поэта? Литературный и политическій Парижъ въ большей или меньшей степени въ тѣ дни былъ освѣдомленъ не только изъ парижскихъ газетъ и журналовъ, но и изъ русскихъ устныхъ разсказовъ и толковъ о томъ, что въ Россіи погибъ ея великій поэтъ въ сложной и спутанной обстановкѣ подлинной драмы.

II.

До приѣзда виконта д'Аршіака изъ Петербурга въ Парижъ, парижскія газеты таили полное молчаніе о трагической гибели Пушкина, и только съ приѣздомъ д'Аршіака Парижъ узналъ о свершившемся. Французскія газеты сообщили это своимъ читателямъ, и 6-го марта старикъ баронъ д'Антесь, отецъ убійцы Пушкина, писалъ изъ своего эльзаскаго Сульца въ Петербургъ голландскому посланнику фанъ-Геккерну, названному отцу своего собственнаго сына, слѣдующее: «Объ этомъ печальномъ происшествіи возвѣстили всѣ газеты... Всѣ газеты высказываютъ расположеніе къ моему сыну, объявляя г. Пушкина зачинщикомъ. «Журналь де Деба» утверждаетъ даже, что клевета и анонимныя письма вынудили г. Пушкина на такой поступокъ, приведшій его къ гибели...» Спустя девять дней, 15 марта, о томъ же въ Петербургъ писалъ и д'Аршіакъ: «всѣ газеты, каждая по своему, рассказывали это дѣло. Я не думаю, что мнѣ не слѣдовало вмѣшиваться, въ виду того, что моего имени не называли (и я рассматриваю это, какъ доказательство благосклонности ко мнѣ корреспондентовъ); я полагалъ, что лучше заставить забыть эту исторію, что теперь и сдѣлано». Еще два дня спустя — 17-го марта — тотъ же д'Аршіакъ напишетъ гр. Монтесюи: «Какъ объяснить тотъ интересъ, съ которымъ отнеслись здѣсь къ дѣлу Геккерна? Почему писали о немъ во всѣхъ газетахъ? Правда, что въ теченіе недѣли наговорили кучу всевозможныхъ глупостей, которыя тотчасъ же и позабыли. Моего имени нигдѣ упомянуто не было».

Что же сообщалось въ парижскихъ газетахъ по поводу смерти Пушкина, и въ частности, о дѣлѣ Геккерна-д'Антеса?

«Изъ Санктъ-Петербурга, отъ 12-го февраля, пишутъ: событіе самаго трагическаго характера только что повергло въ ужась столичное общество. Знаменитый г. Пушкинъ, писатель и поэтъ, наиболѣе выдающійся въ Россіи, былъ убитъ на дуэли своимъ своякомъ, г. д'Антесомъ, французскимъ офицеромъ, состоящимъ на русской службѣ, приемнымъ сыномъ одного иностраннаго посланника, аккредитованнаго при здѣшнемъ дворѣ. Семейныя распри, первоначально умиротворенныя, но тотчасъ же вскорѣ растравленныя злобой и вновь вспыхнувшія, побудили Пушкина вызвать на дуэль д'Антеса. Дуэль состоялась на пистолетахъ. Г. Пушкинъ, смертельно раненый пулей, поразившей его въ грудь, тѣмъ не менѣ прожилъ еще два дня. Его противникъ также былъ тяжело раненъ...» Таково было первое парижское газетное сообщеніе о гибели Пушкина: въ такомъ видѣ оно появилось 28 февраля одновременно въ двухъ газетахъ — въ «*Journal des Débats*» и въ «*Courrier Français*». Не безъ оглядки въ сторону французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ этомъ сообщеніи о дуэли и смерти Пушкина не былъ упомянутъ виконтъ д'Аршіакъ, участникъ дуэли въ качествѣ секунданта, и дипломатически умалчивалось здѣсь также какъ имя Геккерна-старшаго, такъ и Дворъ, который тотъ представлялъ въ Петербургѣ.

На слѣдующій день, 1-го марта, это сообщеніе было перепечатано бызь какихъ либо измѣненій и дополненій и въ «*Gazette de France*»^{*)}. Не слѣдуетъ думать, что это сообщеніе, будучи напечатано въ указанныхъ газетахъ, зани-

^{*)} Эта же корреспонденція была перепечатана позднѣе въ «*Revue du XIXe siècle*» (5 марта) и въ «*Courrier des Théâtres*» (2 марта).

мало въ нихъ сколько-нибудь замѣтное мѣсто: на сѣрыхъ безцвѣтно-сѣрыхъ страницахъ оно даже не было выдѣлено здѣсь особыми заголовками. Какъ и послѣдующія информационныя сообщенія о подробностяхъ этого событія русской жизни, оно нашло себѣ мѣсто въ парижскихъ газетахъ въ хроникѣ происшествій — въ рубрикахъ: «разныя извѣстія», «событія», происшествія» и т. п. Не самый фактъ смерти поэта и не самъ великій поэтъ и столь преждевременно прерванное его творчество, но лишь сенсаціонная обстановка гибели, сама дуэль и поводы, приведшіе къ ней — главнымъ образомъ занимали парижскую прессу въ этомъ трагическомъ дѣлѣ.

Исключеніемъ въ этомъ отношеніи явился фельетонъ «*Journal des Débats*», напечатанный въ номерѣ отъ 2 марта и озаглавленный именемъ погибшаго поэта: «*Pouchkine*». Этотъ фельетонъ былъ подписанъ двумя инициалами: L. V., за которыми скрылся занимавшій въ тѣ годы очень видное мѣсто въ парижскомъ обществѣ литераторъ-дипломатъ Ле-ве-Веймаръ, (*Loeve Veimars*), лѣтомъ 1836 года побывавшій въ Россіи и встрѣчавшійся въ Петербургѣ съ Пушкинымъ. Онъ далъ въ своемъ фельетонѣ и характеристику Пушкина, какъ поэта, и его біографію. Съ нѣкоторыми подробностями онъ рассказалъ и о самой дуэли и смерти русскаго поэта. Начинался этотъ фельетонъ словами: «Россія потеряла, дѣйствительно, самага знаменитаго своего писателя, Пушкина, который только что погибъ на дуэли съ бар. д'Антесомъ, своимъ своякомъ. Это злосчастное событіе повергло въ ужасъ санктъ-петербургское общество, среди котораго у Пушкина было много искреннихъ поклонниковъ и нѣсколько благородныхъ и вѣрныхъ друзей. Клеветническіе навѣты и анонимныя письма, которыя и до Пушкина убили столь многихъ людей съ горячими сердцами и которыя столь многихъ еще убьютъ и послѣ него, были причиной его смерти

въ тотъ моментъ, когда онъ готовился къ большому труду, къ исторіи Петра Великаго. Въ согласіи съ его просьбой передъ смертью, мы обойдемъ молчаніемъ и предадимъ забвенію мотивы, приведшіе къ жестокому акту, окончившему его жизнь, ибо онъ считалъ себя оскорбленнымъ и оказался нападающей стороною...» Заканчивался фельетонъ Леве-Веймара слѣдующимъ рассказомъ: «Пушкинъ умеръ мужественно и не измѣнилъ своему неустрашимому характеру. Пораженный на смерть пулею своего свояка, онъ приподнялся и потребовалъ оружіе, чтобы выстрѣлить въ свою очередь. Два раза оно выскальзывало изъ его ослабѣвшей руки, наконецъ, ему удалось воспользоваться имъ, и онъ ранилъ въ руку своего противника. Его отнесли домой, и онъ прожилъ еще два дня. Онъ умеръ, не обвиняя никого въ своемъ несчастіи. Г-нъ Пушкинъ былъ камеръ-юнкеромъ императора и имѣлъ нѣсколько царскихъ орденовъ. Онъ не оставилъ послѣ себя состоянія, но императоръ великодушно принялъ подъ свое всемогущественное покровительство вдову великаго поэта и четырехъ бѣдныхъ малютокъ...» Какъ и въ предшествовавшихъ газетныхъ сообщеніяхъ, здѣсь никакъ — ни по своему собственному имени, ни по имени представляемой имъ страны — не былъ названъ баронъ фанъ-Геккернъ-старшій, — «*Journal des Débats*» и на этотъ разъ не погрѣшилъ противъ дипломатической вѣжливости — Леве-Веймаръ, уже въ это время связанный своей журналистической работой съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (въ 1836 году поѣздка въ Россію была предпринята имъ также въ связи съ порученіями отъ министра иностранныхъ дѣлъ), не пожелалъ ввести въ свой рассказъ большей ясности и уточненія (этотъ фельетонъ Леве-Веймара 10-го марта съ сокращеніями былъ перепечатанъ въ «*Gazette de France*»). Спустя два дня, 4-го марта, въ «*Journal des Débats*» имя Геккерна-старшаго, наконецъ, было напечатано. Съ ссылкой на

англійскій источникъ — газету «**Morning Chronicle**», здѣсь было сообщено: «г. д'Антесь, молодой французъ, недавно усыновленный барономъ Геккерномъ, голландскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, женился на сестрѣ г-жи Пушкиной, но вскорѣ его взоры и любовь были перенесены на самое г-жу Пушкину. Оскорбленный мужъ вызвалъ на дуэль своего свояка и былъ убитъ на этой роковой дуэли, очень огорчившей императора». Съ ссылкой на другую газету здѣсь же сообщалось, что «Императоръ повелѣлъ предать суду бар. д'Антеса, который въ июльскую революцію оставивъ службу Франціи, получилъ довольно высокій чинъ въ императорской гвардіи...» То же самое — съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями — одновременно съ «**Journal des Débats**» въ тотъ же день (4-го марта) было приведено и въ парижскихъ газетахъ «**Presse**», «**Siècle**», «**La France**», «**National**», «**Journal de Commerce**». Въ трехъ послѣднихъ газетахъ, а также и въ «**Gazette de France**», содержалось при этомъ нелѣпное сообщеніе, будто «императоръ Николай былъ очевидцемъ этой несчастной и кровавой встрѣчи Пушкина и его противника». Между прочимъ, этотъ вздоръ парижскія газеты заимствовали изъ нѣмецкаго источника — отъ «гамбургскаго корреспондента», какъ было отмѣчено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. «**National**» дополнял свое сообщеніе также тѣмъ, что будто смертельно раненый Пушкинъ «успѣлъ, однако, продиктовать письмо, полное жалобъ и упрековъ по адресу голландскаго уполномоченнаго и его приѣмнаго сына». «**La France**» и «**Presse**» заканчивали свою информацію указаніемъ, что «Императоръ взялъ подъ свое высочайшее покровительство вдову и четырехъ дѣтей поэта». На слѣдующій день, 5-го марта, еженедѣльное изданіе «**Chronique de Paris**» еще разъ напечатаетъ эту информацію. «**La France**» и «**Presse**» заключали эти сообщенія краткой біографической справкой о Пушкинѣ и перечнемъ

нѣкоторыхъ его произведеній, использовавъ для этого фельетонъ Лева-Веймара въ «*Journal des Débats*».

5-го марта на гибель Пушкина откликнулся и «*Temps*», и откликнулся, подобно «*Journal des Débats*», большимъ фельетономъ. Этотъ фельетонъ, озаглавленный «*Pouchkin*», былъ единственнымъ откликомъ этой газеты на смерть русскаго поэта (между прочимъ, тотъ же «*Temps*», еще въ 1833 году напечаталъ на своихъ столбцахъ французскій прозаическій переводъ-изложение «Цыганъ», сопроводивъ его характеристикой Пушкина). Фельетонъ «*Temps*», подписанный: «*G. Lam.*», чрезвычайно интересенъ. Онъ содержалъ въ себѣ подробный и красочный разсказъ о кишиневскомъ періодѣ жизни Пушкина, и начинался словами: «Газеты только что возвѣстили о смерти знаменитаго Пушкина, который былъ въ нѣкоторомъ родѣ основателемъ національной поэзіи своей страны. Одинъ путешественникъ, который видѣлъ и зналъ его, сообщаетъ намъ нижеслѣдующія подробности о его личности и характерѣ». Ниже мы вернемся еще разъ къ этому фельетону и подробно передадимъ его содержаніе, пока же отмѣтимъ, что въ немъ содержалось любопытное, живое, острое, но, въ общемъ, непріязненное по отношенію къ Пушкину, повѣствованіе о немъ — «бѣсѣ арабскомъ», какъ именовали Пушкина въ бессарабскіе годы его жизни его пріятели. Въ сущности, это былъ памфлетъ противъ Пушкина. Его задачей было показать, что виновнымъ въ дуэли должно считать только одного его самого — въ силу невыносимаго характера и необузданнаго темперамента. Кому то нужно было разсказать, что Пушкинъ былъ невыносимымъ и малопривлекательнымъ членомъ общеситія; кому-то интересно и важно было изобразить его, какъ вульгарнаго бреттера и тѣмъ утвердить въ общественномъ мнѣніи убѣжденіе, что Пушкинъ былъ самъ виноватъ въ своей гибели. Нужно думать д'Антесы, въ ихъ эльзасскомъ Суль-

цѣ, и ихъ парижскіе друзья не безъ удовлетворенія читали этотъ фельетонъ о Пушкинѣ...

Этимъ не исчерпывались парижскіе газетные отклики на гибель Пушкина, и съ 6-го марта въ парижской прессѣ появляется рядъ замѣтокъ, сообщающихъ о предсмертныхъ дняхъ Пушкина и объ отношеніи къ происшедшему императора Николая I. «Siècle» сообщалъ въ рубрикѣ «Разныя извѣстія»: «Поэтъ Пушкинъ, погибшій на дуэли съ своимъ своякомъ, поручилъ передъ смертью свою жену и дѣтей императору Николаю. Императоръ, вмѣсто отвѣта, приказалъ спросить у него, думаетъ ли онъ умереть съ тѣми же атеистическими воззрѣніями, которыя онъ раздѣлялъ въ теченіе всей жизни. Пушкинъ отвѣтилъ отрицательно, и ему тогда сообщили, что его вдовѣ назначена пенсія въ 10 тыс. руб. и что его дѣти будутъ воспитываться за счетъ императора «Journal des Débats» и «Gazette de France», въ тотъ же день, сообщая о томъ же, присовокупляли, будто императоръ «послалъ къ нему своего духовника, который спросилъ, будетъ ли онъ, умирая, упорствовать въ своихъ атеистическихъ чувствахъ», и что Пушкинъ «заявилъ, что онъ раскаивается и отрекается отъ своего матеріализма». Сообщение о просьбѣ Пушкина за жену и дѣтей сопровождалось здѣсь упоминаніемъ о словахъ Пушкина, что онъ считаетъ свою жену невиновной, и оставляетъ своихъ дѣтей безъ средствъ (то же сообщеніе — въ «Courrier des Théâtres» отъ 12 марта и въ «Voleur» отъ 20 марта).

Какъ видимъ, согласно французскимъ газетамъ, высочайшее покровительство російскаго императора, обѣщанное Пушкину передъ его смертью по отношенію къ его семейству, было обусловлено предварительнымъ отреченіемъ поэта отъ его атеистическихъ воззрѣній и согласіемъ на исповѣдь у царскаго духовника. Но въ Парижѣ отъ А. И. Тургенева и кн. П. А. Вяземскаго то же представлено было въ

иномъ свѣтъ. Кн. Вяземскій писалъ А. О. Смирновой: «Императоръ былъ великодушенъ и прекрасенъ въ этомъ случаѣ... Арендтъ (лейбъ-хирургъ), оставляя Пушкина, спросилъ его: «что прикажете сказать государю?» — «Скажите, что умираю и прошу у него прощенія». Арендтъ вернулся нѣсколько времени спустя и принесъ ему записку, написанную рукой императора и гласившую приблизительно слѣдующее: «Если Богъ не велитъ намъ уже свидѣться на здѣшнемъ свѣтъ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся, я беру ихъ на свои руки». А. И. Тургеневъ, со своей стороны, въ письмѣ къ брату Николаю Ивиновичу, писалъ: «въ первый день дуэля послалъ онъ къ государю д-ра Арндта просить за себя и за его секунданта Данзаса (полковника) прощенія. Государь написалъ карандашемъ записку слѣд. содержанія приблизительно (*à peu près*), и велѣлъ Арндту прочесть ему записку и возвратить себѣ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться на этомъ свѣтъ, то прими мое прощеніе и совѣтъ (умереть) исполнить долгъ христ. исповѣдуйся и причастись; а о женѣ и о дѣтяхъ (у него два мальчика и двѣ дочери) не безпокойся: они будутъ моими дѣтьми, и я беру ихъ на свое попеченіе...»

«*Gazette de France*» нѣсколько позднѣе (18 марта), возвращаясь къ смерти Пушкина, еще разъ повторитъ парижскую газетную версію о моральномъ давленіи, оказанномъ государемъ на умиравшаго Пушкина и броситъ упрекъ по адресу русскаго правительства за то, что оно наложило арестъ на бумаги Пушкина: «Поэтъ Пушкинъ, — читаемъ мы здѣсь, — недавно убитый на дуэли въ С. Петербургѣ, всегда слылъ за вольнодумца (*un esprit fort**) ; извѣстно,

*) Кн. П. А. Вяземскій 5-го февраля, какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, заимствованныя французской газетой изъ нѣмецкой

что передъ смергью онъ отрелся отъ своихъ убѣжденій, въ отвѣтъ на предложеніе императора. Правительство только что завладѣло писаніями, оставшимися послѣ него, опасаясь, чтобы въ случаѣ напечатанія они не бросили двусмысленный свѣтъ на его славу». Сообщение объ этомъ было заимствовано французской газетой изъ нѣмецкаго источника — оно сопровождалось такой ссылкой: «**мы читаемъ въ Аугсбургской газетѣ**»...

Къ сказанному объ откликахъ парижской прессы на смерть Пушкина можно прибавить, что оффиціозный парижскій органъ тѣхъ лѣтъ «**Moniteur**» удосужился сообщить о смерти Пушкина только 14-го марта, и при этомъ, ограничившись одной замѣткой, въ дальнѣйшемъ къ этому уже не возвращался: «**Moniteur**» какъ на источникъ ссылался на англійскій «**Standart**», и печаталъ въ то же время информацию, въ другихъ парижскихъ газетахъ приведенную еще 4-го марта.

Таковы были отклики парижской ежедневной прессы на смерть Пушкина. Отмѣтимъ, что ни одной строки объ этомъ горестномъ событіи русской жизни мы не нашли въ газетахъ «**Constitutionnel**», «**Quotidienne**», «**Monde**»*) . Газетѣ

«Аугсбургской газеты», писалъ: «Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ **esprit fort**, по крайней мѣрѣ, не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ...»

*) Между прочимъ, какъ разъ въ это время Андрей Карамзинъ писалъ матери изъ Парижа: «Ламмнэ... снова является на сцену, принимая на себя редакцію «**Le Monde**». Первый номеръ долженъ выйти 10-го сего мѣсяца. Сотрудниками его будутъ г-жа Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ) и музыкантъ Листъ...»

«*Monde*», органу, отличавшемуся, можно сказать, широтой космополитизма, казалось бы, было неизбежно обратиться къ темѣ о Пушкинѣ. Въ совокупности же, за исключеніемъ одного фельетона Лева-Веймара, помѣщеннаго въ «*Journal des Débats*» — все напечатанное въ парижскихъ газетахъ, было или совершенно поверхностно и несерьезно по существу, или даже явно тенденціозно въ смыслѣ неблагоприятномъ для Пушкина. Кн. П. А. Вяземскій, пославъ А. О. Смирновой-Россети копію своего письма къ Булгакову, въ которомъ содержался обстоятельный рассказъ о дуэли, послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Пушкина, писалъ ей въ Парижъ 25 марта (по ст. стилю) — въ отвѣтъ на ея упреки за то, что онъ невнимателенъ къ ней, не сообщая подробностей о гибели Пушкина: «Какъ хватило у васъ храбрости говорить, что я пренебрегаю вами, я, который не пропускаетъ ни одного курьера, чтобы не отправить къ вамъ письма? Надѣюсь, что вы получили послѣднее съ копіей моего письма къ Булгакову. Вы должны были бы немного позаботиться о распространеніи свѣдѣній о подробностяхъ, которыя опровергнуть абсурдныя розказы, которыя распространяютъ ваши газеты о его республиканизмѣ, атеизмѣ». «И все это — добавлялъ къ этому кн. Вяземскій — опредѣленно идетъ отсюда, въ то время, какъ наши газеты и друзья Пушкина не осмѣливаются ничего печатать на счетъ него». Между прочимъ, тотъ же кн. Вяземскій писалъ 25 марта (ст. ст.) А. О. Смирновой: «Жуковскій вамъ посылаетъ свою «Ундину»; вы найдете тамъ подпись съ датой его дня рожденія и дня смерти Пушкина... Какое печальное совпаденіе! Пушкинѣ оставилъ въ своихъ бумагахъ удивительныя вещи. Все будетъ опубликовано...» Вѣрный другъ и поклонница генія Пушкина, А. О. Смирнова-Россети, не могла не откликнуться дѣломъ на этотъ призывъ, дошедшій до нея изъ Россіи, и, навѣрное, все, что только была въ силахъ, сдѣлала, что-

бы искаженіямъ противопоставить подлинную версію, шедшую отъ друзей его. Конечно, ей не удалось добиться много въ этомъ направленіи отъ газетъ, но болѣе плодотворными могли оказаться ея усилія въ отношеніи парижскихъ журналовъ и другихъ изданій.

Авторъ фельетона о Пушкинѣ въ «*Journal des Débats*». Лева-Веймаръ (Loève-Weimars), былъ чрезвычайно своеобразной и колоритной фигурой въ литературной парижской средѣ сто лѣтъ тому назадъ. Не только въ литературныхъ, но и въ политическихъ кругахъ, онъ игралъ значительную роль. «Публицистъ, переводчикъ, дипломатическій агентъ; родился въ Парижѣ, 26 апрѣля 1801 г.» — такъ сообщалось о немъ въ «*La Littérature Française Contemporaine*» — библиографическомъ справочникѣ, вышедшемъ уже послѣ его смерти. Еврей по крови, онъ внесъ въ сокровищницу французской культуры немаловажный вкладъ, прежде всего, переводами Гофмана, Виланда, Гейне, швейцарца Чокэ... Любопытно, что съ первымъ переводомъ изъ Гофмана у него произошло нѣкоторое недоразумѣніе: «Кремонскую скрипку» онъ перевелъ и издалъ подъ своимъ именемъ безъ обозначенія, что это переводъ чужого творенія, и этотъ плагиатъ былъ разоблаченъ. Онъ былъ сотрудникомъ многихъ парижскихъ изданій и одно время въ «*Temps*» велъ отдѣлъ театальной критики, что привело его къ тому, что онъ чуть не сдѣлался директоромъ парижской Оперы. Онъ сотрудничалъ въ «*Revue de Paris*» и въ «*Revue des Deux Mondes*», печатая здѣсь политическіе очерки и помѣчая подъ своими «Письмами о государственныхъ дѣятеляхъ Франціи»: «*West-End-Review*», выдуманное названіе журнала, въ дѣйствительности никогда не существовавшего. Въ 1836 году онъ былъ отправленъ Тьеромъ въ Петербургъ съ литературно-политической миссіей, въ результатъ которой въ

«*Revue des Deux Mondes*» появилась его интересная и острая статья о Россіи и о необходимости франко-русскаго сближенія.

По возвращеніи изъ Россіи, откуда, между прочимъ, онъ вывезъ себѣ жену (онъ женился на Ольгѣ Голынской), и будучи уже барономъ, онъ вскорѣ послѣ смерти Пушкина былъ назначенъ французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Багдадъ, а послѣ, по отозваніи оттуда, предпринялъ еще болѣе далекое путешествіе, принявъ назначеніе на дипломатическіе посты въ Перу и Венецуэлу, гдѣ и умеръ въ 1854 г. Послѣ его смерти въ «*Journal des Débats*» напечаталъ чрезвычайно яркій некрологъ о немъ Жюль Жанэнъ; и по поводу этого остраго и ѣдкаго повѣствованія о его жизни собирався отвѣчать Гейне, въ бумагахъ котораго сохранилось начало его интересной и глубоко сочувственной Леве-Веймару статьи. Въ русскихъ литературныхъ кругахъ въ шутку его звали «Львомъ Веймарскимъ», а о приѣздѣ его въ Петербургъ имѣется упоминаніе въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ женѣ отъ 20 іюля 1836 г.: «На дняхъ былъ у меня вечеръ для Жуковскаго прощальный, онъ поѣхалъ на шесть недѣль въ Дерптъ, и для Л. Веймара встрѣчальный. Все было взято на прокатъ, и вышло прекрасно. Вечеръ знаменитостей, Брюловъ, Левъ Веймаръ, Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій, я, Бартеневъ и еще кое-кто...» Въ Петербургѣ Леве-Веймаръ не однажды встрѣчался съ Пушкинымъ, и результатомъ этихъ встрѣчъ явилась вывезенная Леве-Веймаромъ изъ Россіи рукопись съ Пушкинскимъ переводомъ на французскій языкъ нѣсколькихъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. На этомъ Пушкинскомъ автографѣ Леве-Веймаръ къ сдѣланному рукой Пушкина заглавію: «Русскія пѣсни», прибавилъ отъ себя: «переведенныя Алекс. Пушкинымъ для его друга Л. де Веймара на островахъ Невы, на дачѣ Бровольскаго, въ іюнѣ 1836 г.» Въ письмѣ къ одному парижанину, передавая ему

этотъ Пушкинскій автографъ, Леве-Веймаръ въ 1839 году писалъ: «Вотъ неизданные Пушкинскіе автографы... Они драгоцѣнны, такъ какъ эту работу онъ предпринялъ только для меня, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ окрестностяхъ на Каменномъ Островѣ — на островѣ Невы близъ С. Петербурга, гдѣ я проводилъ очень пріятно время...»

Вотъ этотъ-то Леве-Веймаръ и явился авторомъ поминальнаго очерка о Пушкинѣ, напечатаннаго 1-го марта 1837 года въ «**Journal des Débats**».

Краткій очеркъ жизненнаго и творческаго пути Пушкина Леве-Веймаръ началъ съ генеалогіи русскаго поэта: пять его предковъ подписали актъ избранія на царскій престолъ Романовыхъ; его мать его была внучка негритянскаго принца, подареннаго Петру Великому и умершаго начальникомъ артиллеріи. «Пушкину передались нѣкоторыя черты его происхожденія» — добавлялось къ этому. Говоря о лицѣ, въ которомъ обучался Пушкинъ, Леве-Веймаръ ошибочно назвалъ его петербургскимъ. Изъ лица — писалъ Леве-Веймаръ — Пушкинъ вышелъ «одушевленный юношески бушующимъ жаромъ, побудившимъ его къ служенію либерализму, которому тогда покровительствовалъ самъ императоръ Александръ. Его талантъ поставилъ его во главѣ партіи; онъ дѣлается глашатаемъ ея... Его первые стихи были открыто революціонными, и скоро его именемъ начали подписывать всѣ анонимныя сатиры и пѣсни, распространявшіяся въ публикѣ противъ правительства. Императоръ Александръ, желая помѣшать ему совершить еще большіе проступки или освободить его отъ несправедливо возводимыхъ на него обвиненій, отправилъ его въ Бессарабское намѣстничество, гдѣ онъ создалъ прекрасныя поэтическія (въ текстѣ «**Journal des Débats**» въ этомъ мѣстѣ была допущена явная опечатка вмѣсто «поэтическія» здѣсь значилось

«политическія») произведенія...» Говоря о первыхъ твореніяхъ Пушкина, Леве-Веймаръ возводилъ «Русланъ и Людмилу» къ «русскому циклу легендъ, подобному легендамъ о Св. Граалѣ или Круглаго Стола эпохи трубадуровъ». Бесарабія вдохновила его на созданіе «Цыганъ», въ которыхъ «онъ съ безконечнымъ очарованіемъ обрисовалъ мягкость нравовъ этого кочующаго племени и его отвращеніе отъ жестокосердія». Во время путешествія на Кавказъ и по югу Россіи «подъ вліяніемъ Байрона, стихи котораго онъ возилъ въ своемъ сѣдлѣ» онъ создалъ «Кавказскій плѣнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ». «Съ этого времени — отмѣчалъ Леве-Веймаръ — окончательно укрѣпляется его репутація, онъ находитъ откликъ во всей Россіи»... «Новые доносы возстанавливаютъ противъ него императора Александра, который ссылаетъ его въ его собственное небольшое имѣніе». Здѣсь во время двухлѣтняго пребыванія Пушкинъ «начинаетъ серьезныя занятія русской исторіей». «Его бесѣды на историческія темы — писалъ Леве-Веймаръ, вѣроятно, вспоминая свои собственныя позднѣйшія встрѣчи съ Пушкинымъ, — доставляли громадное удовольствіе, ибо онъ говорилъ объ этомъ прекраснымъ поэтическимъ языкомъ, словно онъ жилъ въ интимной близости со всѣми этими древними царями... Здѣсь онъ создалъ множество стихотвореній — русскія женщины знаютъ ихъ наизусть и декламируютъ ихъ подобно тому, какъ въ Германіи молодыя дѣвушки распѣваютъ стихи Шиллера. Его опала дала русской поэзіи шесть первыхъ пѣсенъ «Онѣгина» (это тотъ же «Донъ-Жуанъ», но взятый всерьезъ), въ которомъ Пушкинъ уже освобождается отъ вліянія лорда Байрона, а также его шедевръ — «Бориса Годунова». Въ этихъ произведеніяхъ Пушкинъ создалъ русскій языкъ, на которомъ теперь пишутъ и говорятъ, и заслужилъ тѣ же почести, которыя мы воздаемъ Малербу. Онъ скоро и обрѣлъ эти почести. Императоръ, прибывъ на коро-

націю въ Москву, вызвалъ Пушкина изъ его помѣстья, гдѣ онъ жилъ въ то время въ уединеніи, но не въ безызвѣстности, — и завязалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ одинъ изъ тѣхъ горячихъ и оживленныхъ разговоровъ, свойственныхъ ему, который дошелъ до глубины сердца поэта. Повидимому, императору понравились искреннія, простыя столь благородно-разсудительныя слова Пушкина, такъ какъ всѣ неприятыя впечатлѣнія, навѣянные на него противъ Пушкина, разсѣялись. Съ этого момента талантъ Пушкина, самобытность рѣчи и все то, что было въ его жизни особеннаго и поэтическаго, привлекаетъ къ нему всеобщее вниманіе...»

Указавъ на фактъ участія Пушкина добровольцемъ въ Турецкой кампаніи, Леве-Веймаръ отмѣчалъ затѣмъ его путешествія по Россіи съ цѣлью изученія нравовъ и памятниковъ — «въ непрестанныхъ поискахъ съ страстнымъ увлеченіемъ то старой вѣковой пѣснью, то слѣдами знаменитаго Пугачева, исторію котораго онъ писалъ съ большимъ интересомъ». Женитьба вызвала — по словамъ Леве-Веймара — новый поворотъ въ его жизни: его счастье было огромно, достойно зависти, и ему, дѣйствительно, завидовали; въ одно и то же время обуреваемый ревностью и нѣжностью, онъ представилъ своимъ друзьямъ свою молодую жену, которую съ гордостью называлъ своей прекрасной черноволосой Мадонной». Отмѣчая ежегодное осеннее уединеніе Пушкина въ деревнѣ («на берегу Невы (sic!) въ кругу семьи и книгъ») для творчества, завершения замысловъ, возникшихъ ранѣе среди разсѣянной свѣтской жизни, Леве-Веймаръ писалъ: «счастье и признаніе, несомнѣнно, сдѣлали его разсудительнымъ. Его болѣе зрѣлый, и ставшій болѣе серьезнымъ, талантъ уже не отличался оппозиціоннымъ характеромъ... Онъ часто жаловался: «я больше уже не популяренъ»; въ дѣйствительности, онъ, наоборотъ, пріобрѣтаетъ все большую извѣстность, вызывая восхищеніе передъ

его прекраснымъ талантомъ, все болѣе и болѣе растущимъ съ каждымъ днемъ».

Сообщая въ этихъ послѣднихъ строкахъ слова Пушкина, Леве-Веймаръ, повидимому, лишь вспоминалъ то, что онъ самъ слышалъ еще совсѣмъ недавно, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до гибели Пушкина, отъ самого же Пушкина во время петербургскихъ встрѣчъ съ нимъ. И такой же характеръ свидѣтельскаго показанія, личнаго припоминанія о Пушкинѣ, нужно, вѣроятно, видѣть и въ его послѣдующихъ, чрезвычайно интересныхъ заявленіяхъ о страстномъ желаніи Пушкина побывать заграницей, на что ему такъ и не удалось получить разрѣшенія свыше: «Одного не хватало для счастья Пушкина. Онъ не видѣлъ иностранныхъ государствъ. Въ его раннюю юность его кипучія идеи вызвали запрещеніе для него путешествія за границу, а позже его удержали въ Россіи семейныя узы. Какое печальное выраженіе принималъ его взглядъ, когда онъ говорилъ о Лондонѣ и, въ особенности, о Парижѣ. Какъ пламенно онъ предвкушалъ удовольствіе отъ посѣщенія знаменитыхъ людей, великихъ ораторовъ и крупныхъ писателей. Это было его мечтой. Сгорая отъ нетерпѣнія увидѣть новую для него среду, онъ разукрашивалъ ее всѣмъ, что только могло родиться въ воображеніи поэта. Можно не сомнѣваться, что, покидая жизнь, Пушкинъ сожалѣлъ, между прочимъ, и объ этомъ...»

«Исторія Петра Великаго, — продолжалъ Леве-Веймаръ, — которую по повелѣнію императора Пушкинъ писалъ, была бы изумительной книгой. Пушкинъ посѣтилъ всѣ архивы Петербурга и Москвы, онъ разыскалъ всю переписку Петра, вплоть до его полу-русскихъ, полу-нѣмецкихъ записочекъ, къ генераламъ, исполнителямъ его приказовъ. Его взгляды на основателя Петербурга отличались полной новизной, и болѣе свидѣтельствовали о крупномъ и глубокомъ

историкѣ, чѣмъ о поэтѣ. Пушкинѣ, при этомъ, не скрываль, что его обуревали серьезныя сомнѣнія и что онъ очень затруднился бы показать русскому народу Петра Великаго такимъ, какимъ онъ былъ въ первые годы своего царствованія, когда онъ съ ожесточеніемъ все приносилъ въ жертву поставленной себѣ цѣли. Но какъ замѣчательно Пушкинѣ слѣдилъ за измѣненіями этого характера, и съ какой радостью, съ какимъ удовлетвореніемъ, какъ лояльный историкъ государя, который прежде на допросахъ собственноручно вышибаль зубы, — онъ показалъ намъ его впослѣдствіи въ его старости смягчившимся и запрещающимъ даже на словахъ оскорблять мятежниковъ, просившихъ у него милости...» Такъ писалъ Леве-Веймаръ, очевидно, припоминая какіе-то свои разговоры съ Пушкинымъ по поводу предпринятаго имъ изученія исторіи Петра Великаго.

Эта статья Леве-Веймара произвела хорошее впечатлѣніе среди русскихъ. А. И. Тургеневъ записаль 4-го марта (по ст. стилю) въ своемъ дневникѣ: «съ Жуковскимъ читаль статью о Пушкинѣ Левѣ-Веймара въ «Деба». Запретили ее...» (т. е. петербургская цензура запретила ея переводъ); спустя два дня онъ же писалъ А. Я. Булгакову въ Москву: «сбереги для меня статью въ Дебатахъ — о Пушкинѣ...» Кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. О. Смирновой-Россети (25 марта ст. стиля) писалъ по этому поводу: «съ нимъ (Пушкинымъ) точно то, что было съ Пугачевымъ, котораго память велѣно было предать забвенію. Статья въ «Журналѣ Дебатовъ» Леве-Веймаръ не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ, а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Леве-Веймару...» Кн. В. Ф. Одоевскій отозвался о томъ же фельетонѣ Леве-Веймара: «въ «Журналъ де Деба» была написана довольно справедливая статья», и Андрей Карамзинъ назоветъ ее «очень порядочной и вѣрно написанной».

Пушкинскій некрологъ Леве-Веймара имѣлъ успѣхъ и въ Парижѣ. Мы уже отмѣчали, что нѣсколько дней спустя послѣ появленія онъ былъ съ нѣкоторыми сокращеніями перепечатанъ въ «Gazette de France». Съ другой стороны, нѣкоторыя парижскія газеты въ своихъ замѣткахъ о Пушкинѣ воспользовались заключающимся въ немъ фактическимъ матеріаломъ*).

Совсѣмъ инымъ былъ фельетонъ-повѣствованіе о Пушкинѣ въ «Temps» невѣдомаго француза - путешественника, повстрѣчавшагося когда то съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ и теперь, въ дни роковой его гибели, напечатавшаго свои воспоминанія объ этой встрѣчѣ.

«Пушкинъ, — читаемъ мы здѣсь, — по рожденію и, въ особенности, по своимъ семейнымъ связямъ принадлежалъ къ средѣ, отмѣченной наиболѣе именитыми людьми Россіи. Его занятія (авторъ воспоминаній считалъ, что онъ обучался «въ С.-Петербургскомъ университетѣ») сопровождались не-

*) «La France» и «Presse» печатали на основаніи его такіа сжатыя біографическія справки о Пушкинѣ: «Онъ родился въ 1799 г., и его мать была внучкой негритянскаго принца, подареннаго Петру Великому. Черты лица поэта отражали въ себѣ нѣкоторые слѣды его происхожденія. Онъ одарилъ свою родину нѣсколькими поэмами, какъ-то: «Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ», «Онѣгинъ», трагедіей, которая является его шедевромъ, «Борисъ Годуновъ», большимъ количествомъ стихотвореній; онъ занимался исторіей Петра Великаго, которую онъ писалъ по приказу Императора. Обвиненный въ либерализмъ, онъ былъ сосланъ императоромъ Александромъ въ свое помѣстіе и только въ началѣ царствованія императора Николая I былъ вызванъ изъ ссылки; онъ добровольцемъ принялъ участіе въ походѣ въ Азіатскую Турцію, въ свитѣ маршала Паскевича. Находясь съ этого времени въ милости, Пушкинъ былъ камеръ-юнкеромъ и кавалеромъ нѣсколькихъ императорскихъ орденовъ...»

обычайными успѣхами, рано развившими у него отрицательныя черты, которыя и явились причиной всѣхъ бурь, наполнившихъ мятежное теченіе его жизни. Высокомѣрный и рѣзкій, онъ не переносилъ ни малѣйшаго возраженія; и такъ какъ онъ боялся, что его перо и его слово не достаточны, чтобы всегда доставлять ему то превосходство, котораго онъ жаждалъ, то съ раннихъ лѣтъ онъ упражнялся въ обращеніи со всякаго рода оружіемъ и въ этомъ преуспѣлъ. Онъ былъ опасный дуэлянтъ...»

Анонимный авторъ не щадилъ замолкшаго навѣки Пушкина, въ этой своей своеобразной и пространной «эпитафій» какъ бы стремясь и морально уничтожить убитаго Пушкина. Нагромождая фактическія ошибки и чудовищныя преувеличенія вплоть до полнаго извращенія истины, невѣдомый путешественникъ, встрѣтившійся съ великимъ русскимъ поэтомъ на перекресткахъ бессарабскихъ дорогъ, продолжалъ свой разсказъ и дальше въ томъ же стилѣ: «Его первыми литературными опытами были басни (sic!) и имѣли выдающійся успѣхъ. Пушкинъ не могъ найти лучшаго пути, чтобы безнаказанно предаваться полету своего протестующаго духа, и эта муза сообщила его языку такое очарованіе и изящество, какое до того оставалось недоступнымъ славянскому нарѣчію. Ему едва ли было 20 лѣтъ, когда Сандъ убилъ Коцебу. Пушкинъ узналъ эту новость, находясь въ театрѣ. Застигнутый врасплохъ, слагатель басенъ, не пытаюсь прикрыть свою мысль какими-либо изгибами апологіи, громко воскликнулъ, обернувшись къ императорской ложѣ: «Глупый школьникъ, ты долженъ былъ бы вонзить свой кинжалъ въ сердце сѣвернаго деспота!» На Пушкина былъ сдѣланъ доносъ, и онъ былъ осужденъ на ссылку въ Сибирь. Однако, во вниманіе къ его таланту и юности и къ просьбамъ его семьи, Александръ проявилъ по отношенію къ нему милость, освободивъ его отъ Сѣвера, который вызывалъ у

него такое отвращеніе, и отправилъ его въ Бессарабію на пустынный югъ*). Для мѣстопробыванія и тюремнаго заключенія ему былъ указанъ губернской городъ Кишиневъ.»

Дальше слѣдуетъ разсказъ о Кишиневскомъ времяпровожденіи Пушкина. Французскій путешественникъ даетъ здѣсь описаніе Кишинева, по внѣшности напоминавшаго деревню: «по размѣрамъ онъ не болѣе нашей деревни Пантэнъ» — заявлялъ онъ при этомъ, сообщая, что онъ встрѣтился съ Пушкинымъ въ домѣ «помощника военнаго губернатора — грека по происхожденію, женатаго на русской, Крупинскаго»: «у него мы и увидѣли и познакомились со страннымъ писателемъ» (*le bizarre écrivain*)... «Пушкинъ былъ небольшого роста. Его короткіе и курчавые волосы окаймляли его лицо, всегда исполненное ума и часто озарявшееся свѣтомъ генія, но выраженіе язвительной и дикарской ироніи всегда господствовало на немъ. Это былъ литературно образованный человѣкъ, но образованный только въ той мѣрѣ, въ какой имъ можетъ быть русскій, а былъ онъ русскимъ прее выше всего. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества; другія страны Европы зналъ только по разсказамъ своихъ соотечественниковъ, или иностранцевъ... Однако, съ съ рѣдкимъ совершенствомъ говорилъ онъ по нѣмецки*) и по французски. Всѣ наши писатели были ему хорошо извѣстны. Его познанія были глубоки. Въ силу сочетанія европейской образованности съ дикарской энергіей его страны, онъ и сталъ изъ русскихъ писателей наиболѣе цѣннымъ своими соотечественниками. Онъ очень остроумно рисовалъ

*) Излишне указывать на совершенную фантастичность этого разсказа о такой реакціи Пушкина на убійство Коцебу. Это событіе вдохновило Пушкина на его «Кинжалъ», написанный имъ уже въ ссылкѣ послѣ обрушившейся на него опалы.

*) Извѣстно, что Пушкинъ плохо зналъ нѣмецкій языкъ.

карикуры. Каждый вечеръ, вооружившись мѣломъ (въ Россіи принято записывать игру въ карты мѣломъ), онъ обходилъ карточные столы и на всѣхъ углахъ ихъ чертилъ съ рѣдкимъ совершенствомъ по сходству портреты-шаржи своихъ партнеровъ. Самъ Дантанъ въ своихъ слѣпкахъ не достигалъ большаго. Для окружавшаго его общества это было неизсякаемымъ источникомъ веселія. Онъ садился за тѣмъ за игру, которую оставлялъ только для того, чтобы поужинавъ, снова приняться за нее. Это бывало въ 10 час. вечера, и продолжалось до утра. Страсть къ картамъ, вмѣстѣ съ дуэлями, заполняла его жизнь. Онъ напускалъ на себя безстыдный цинизмъ и принималъ гостей, находясь въ кровати, прикрываясь лишь беспорядочно разбросанными простынями. Однимъ изъ противорѣчій въ его натурѣ было то, что будучи русскимъ, съ рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ, онъ былъ совершенно чуждъ суевѣрной набожности и находилъ удовольствіе въ афишированіи своего атеизма. По его мнѣнію Вольтеръ и Руссо были глупцами, потому что вѣровали въ Бога. Обуреваемый страстью убѣждать другихъ, отстаивая свои взгляды, онъ прибѣгалъ къ безчисленнымъ парадоксамъ столь остроумнымъ и столь оригинальнымъ, что въ теченіе многихъ часовъ его спора, слушатели совершенно забывали обо всемъ остальномъ. Изъ его многочисленныхъ дуелей намъ особенно запомнились двѣ, имѣвшія мѣсто одна за другой на протяженіи двухъ дней. Одна изъ нихъ была съ французскимъ эмигрантомъ, барономъ де С..., который при выборѣ оружія предложилъ ружье въ виду того, что Пушкинъ стрѣлялъ изъ пистолета съ угрожающимъ превосходствомъ. Благодаря веселію, захватившему и секундантовъ и противниковъ, этотъ своеобразный поединокъ закончился примиреніемъ: Пушкинъ любилъ посмѣяться... На слѣдующій день, несомнѣнно для того, чтобы вознаградить себя за испытанную неудачу, Пушкинъ

затѣялъ дѣло съ другимъ французомъ, состоявшимъ на русской службѣ, полковникомъ Л... Послѣ того, какъ они безуспѣшно обмѣнялись четырьмя выстрѣлами, секунданы прекратили поединокъ вопреки желанію обоихъ противниковъ и, въ особенности, Пушкина, который былъ удивленъ и смущенъ своимъ неискусствомъ и огорченъ тѣмъ, что вторично не сумѣлъ использовать представившійся ему случай...»

Извѣстно, что Пушкинъ въ Кишиневѣ близко соприкоснулся съ масонствомъ. Объ этомъ рассказываетъ и знавшій его въ Кишиневѣ французскій путешественникъ и сообщаетъ при этомъ подтверждаемый и другими мемуаристами случай о томъ, какъ изъ-за масонства въ Кишиневѣ однажды вспыхнулъ настоящій крестьянскій бунтъ. «Нѣсколько французовъ, — читаемъ мы здѣсь, — бывшихъ тогда въ Кишиневѣ, создали тамъ масонскую ложу. Пушкинъ былъ принятъ въ нее и его примѣру послѣдовали многіе русскіе разныхъ ранговъ. Правительство закрывало на это глаза; одинъ архимандритъ*) также вступилъ въ ложу. Когда его вели въ камеру размышленія и крестьяне увидѣли это, они рѣшили, что надъ нимъ совершается актъ насилія, и **забили** тревогу, чтобы спасти любимаго пастыря. Произошелъ своего рода мятежъ, и правительство, узнавъ объ этомъ, предписало закрытіе ложъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Это мѣропріятіе получило широкую огласку въ Европѣ, но тамъ не знали причины, его вызвавшей...»

Въ концѣ фельетона рассказывалось о томъ, о чемъ самъ Пушкинъ сочинилъ свое шуточное четверостишіе о саранчѣ:

*) Въ скобкахъ послѣ слова «архимандритъ», во французскомъ текстѣ добавлено: «епископъ», и, въ другихъ мемуарахъ также указывается, что это былъ, дѣйствительно, архимачтѣчтъ — и именно архимандритъ болгарскій Ефремъ.

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла,
Сидѣла, сидѣла, все сѣла
И вновь улетѣла.

Вотъ что читаемъ мы здѣсь: «Въ это время Азія опустошалась саранчей; этотъ бичъ настигъ и Бессарабію, и губернаторъ, чтобы прогнать ее, мобилизоваль крестьянъ и солдатъ, вооруживъ ихъ мѣдной посудой и барабанами, чтобы шумомъ, производимымъ ими, разогнать тучи насѣкомыхъ ; свиньи должны были сопровождать ихъ и пожирать саранчу, оставшуюся на мѣстѣ, несмотря на шумъ. Командованіе этой экспедиціей губернаторъ возложилъ на Пушкина. Но послѣдній отклонилъ отъ себя эту честь, заявивъ, что онъ не согласенъ ни сражаться съ мухами, ни пасти свиней. На этотъ сюжетъ онъ нарисоваль карикатуры, позабавившія этотъ край...»*)).

«Несмотря на эти инциденты — заключилъ свой фельетонъ французскій путешественникъ, — новыя произведенія, которыя Пушкинъ продолжалъ сочинять въ ссылкѣ, содѣйствовали его вызову въ С.-Петербургъ, но съ этого времени мы потеряли его изъ виду...»

Таковъ былъ фельетонъ въ «Temps». Рядъ несообразностей, заключавшихся въ особенности въ первой его части, и общая характеристика Пушкина, выдвигавшая на первый планъ экстравагантныя, рѣзкія и непріятныя черты его личности при умолчаніи о томъ значительномъ и положитель-

*) Эпизодъ съ участіемъ Пушкина въ экспедиціи противъ саранчи имѣлъ мѣсто не въ періодъ его Кишиневскаго заточенія, а нѣсколько позднѣе, когда онъ состоялъ въ Одессѣ при Херсонскомъ генераль-губернаторѣ гр. М. С. Воронцовѣ — въ маѣ 1824 года, и не Бессарабія, а Херсонскій, Елисаветградскій и Александрійскій уѣзды были мѣстомъ, куда командированъ былъ Пушкинъ для борьбы съ саранчей.

номъ, что дѣлало его замѣчательнымъ человекомъ и первымъ поэтомъ и писателемъ Россіи — все это должно было задѣть за живое многихъ близкихъ и друзей Пушкина. Циническій атеизмъ, безпутство, картежничество, бреттерство — все это, будучи собрано въ единый фокусъ, какъ бы нарочито было подчеркнуто здѣсь, и въ то же время ничего, кромѣ самыхъ общихъ и бѣглыхъ замѣчаній о чрезвычайной одаренности и большой образованности Пушкина, не было сказано здѣсь о его творческой жизни, о его вдохновенномъ пути поэта и гражданина. Кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. О. Смирновой-Россети, отмѣчая абсурдныя розсказы, распространяемыя парижскими газетами о республиканизмѣ и атеизмѣ Пушкина, имѣлъ въ виду вѣроятно и этотъ фельетонъ «Temps». напечатанный, быть можетъ, подѣ прямымъ воздѣйствіемъ петербургскихъ вліяній — по наущенію тѣхъ, подѣ чьимъ покровительствомъ и при чьемъ участіи въ Петербургѣ соткалась злая интрига, приведшая къ гибели Пушкина. «И все это опредѣленно идетъ отсюда!..» — съ горечью восклицалъ, вѣроятно не безъ основанія, кн. П. А. Вяземскій въ своемъ письмѣ въ Парижъ.

III.

Въ номерѣ «Globe» отъ 25 мая появилась «біографическая и литературная замѣтка объ Александрѣ Пушкинѣ». Ее написаль, какъ объ этомъ гласила подпись: «другъ Пушкина», и этимъ другомъ Пушкина былъ Мицкевичъ. Мицкевичъ, — «критикъ зоркій и тонкій». — какъ назвалъ его однажды Пушкинъ, — писалъ свою статью о Пушкинѣ въ Парижѣ. Онъ жилъ въ это время съ женою, Селиной Шимановской, на виллѣ *des marais St-Germain*, въ домѣ № 18. Извѣстно, что 10-го апрѣля у него гостемъ былъ С. А. Соболевскій: сохранилась пріятельская записка Мицкевича къ нему, въ которой тотъ звалъ его къ себѣ, обѣщая угостить «борщомъ, хрѣномъ и хлѣбомъ *à discrétion*»... Можно не сомнѣваться, что ихъ разговоръ въ эту встрѣчу часто склонялся въ сторону погибшаго Пушкина, и, можетъ быть, именно подъ влияніемъ этой встрѣчи у Мицкевича и сложилось рѣшеніе писать о Пушкинѣ.

Въ далекомъ отъ Петербурга Парижѣ Мицкевичъ, повидимому, остро и болѣзненно переживаль вѣсть о роковой судьбѣ своего русскаго друга — «поэта русскаго народа, твореніями своими прославившагося на весь сѣверъ». О смерти Пушкина онъ узналъ тотчасъ же по полученіи этой вѣсти въ Парижѣ. 1-го марта онъ написаль Селинѣ Одинецъ: «Александръ Пушкинъ погибъ на поединкѣ съ своимъ своякомъ изъ-за ревнивыхъ подозрѣній...» Вокругъ Мицке-

вича, переживавшаго смерть Пушкина, въ Петербургѣ и въ Москвѣ среди русскихъ — сложилась трогательная легенда. Изъ Парижа въ Россію, неизвѣстно какими путями, дошла вѣсть о томъ, будто Мицкевичъ рѣшилъ отмстить за кровь Пушкина и драться на дуэли съ д'Антесомъ-Геккерномъ. 13 марта объ этомъ со словъ А. И. Тургенева записаль въ своемъ дневникѣ В. А. Мухановъ, и объ этомъ же самъ А. И. Тургеневъ спустя недѣлю (20 марта) писалъ въ Москву А. Я. Булгакову: «Кажется вѣрно, что Мицкевичъ вызываль письмомъ Дантеса на дуэль». О томъ же 14 апрѣля писалъ и Хомяковъ Н. М. Языкову: «Мицкевичъ вызываль Дантеса на дуэль». Въ другомъ русскомъ письмѣ отъ тѣхъ же дней (А. А. Елагина къ матери) содержались объ этомъ даже такія подробности: «Мицкевичъ прислаль ему (д'Антесу) «картель» и написалъ, что считаетъ себя обязаннымъ драться съ убійцей Пушкина, своего перваго друга; что если онъ не трусь, то явится къ нему въ Парижъ...» «Письмо напечатано въ иностранныхъ журналахъ и убійца уже ѣдетъ въ Парижъ. Передъ глазами всей Европы нельзя ему было никоимъ образомъ отказаться отъ дуэли» — сообщалось далѣе въ этомъ письмѣ, которое погрѣшало противъ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ, въ томъ отношеніи, что письма Мицкевича въ иностранныхъ журналахъ не появлялось. Мицкевичъ не дрался на дуэли съ д'Антесомъ-Геккерномъ, но подлиннымъ актомъ мести за убійство Пушкина явилась его вдохновенная статья, напечатанная въ «Globe».

Этотъ откликъ «друга Пушкина» звучитъ яркимъ и разительнымъ опроверженіемъ утверждавшейся въ тѣ дни злой легенды о Пушкинѣ, во французской прессѣ, какъ мы только что это видѣли, поддержанной авторомъ фельетона газеты «Temps». Мицкевичъ въ своемъ некрологѣ показалъ французамъ Пушкина совсѣмъ съ другой стороны: его Пушкинъ не былъ несноснымъ и неприятнымъ, заносчивымъ и дерз-

кимъ; хотя и блестяще одареннымъ Пушкинымъ - бреттеромъ, безбожникомъ, циникомъ. Конечно, и въ очеркѣ Мицкевича найдется не мало спорныхъ утверждений, но, погрѣшая въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ въ то же время далъ достойный Пушкина и проникнутый чувствомъ подлинной дружбы и уваженія къ нему, его литературный портретъ, написавъ его вдохновенно, съ большимъ мастерствомъ. Байроническій Пушкинъ въ первые годы его молодости и Пушкинъ, преодолевшій байронизмъ; поэтъ-революціонеръ и пламенный оппозиціонеръ, съ которымъ счелъ себя обязаннымъ примириться царь; поэтъ, отвергшій чужеземное во имя собственнаго, національнаго, вернувшійся къ родной почвѣ; нѣкогда атеистъ и скептикъ, а впослѣдствіи пришедшій съ положительнымъ отвѣтомъ къ проблемамъ религиознымъ и социальнымъ — таковъ былъ Пушкинъ Мицкевича.

Приведемъ вкратцѣ содержаніе этого Пушкинскаго некролога Мицкевича.

Царскосельскій Лицей, въ которомъ обучался Пушкинъ былъ созданъ по иностранному образцу и былъ школой мало благопріятствовавшей развитію національнаго поэта. Пушкинъ утратилъ здѣсь все, что оставалось у него отъ семейныхъ традицій; онъ «сталъ чужимъ для своей родины». Чтеніе Жуковскаго, отъ увлеченія нѣмцами перешедшаго къ національно-русскимъ началамъ, было для Пушкина спасительнымъ противоядіемъ. Но у Жуковскаго Пушкинъ былъ похищенъ Байрономъ: «Жуковскій — заявлялъ Мицкевичъ — началъ воспитаніе Пушкина, но Байронъ слишкомъ рано похитилъ Пушина у этой отличной школы и надолго увлекъ его въ воображаемая пустыни и въ пещеры романтизма. Прочитавъ «Корсара» Байрона, Пушкинъ почувствовалъ себя поэтомъ...» «Кавказскій плѣнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ» принесли Пушкину огромный, совершенно исключительный успѣхъ, возбудили по отношенію къ нему трудно

описуемый энтузіазмъ. Читательская масса удивлялась новизнѣ сюжетовъ и поэтическихъ формъ; женщины восхищались глубиной чувствъ молодого поэта, богатствомъ его воображенія; писатели были поражены силой, точностью и изяществомъ стиля. Пушкинъ былъ признанъ всѣми первымъ поэтомъ своей страны». Но этотъ легкій успѣхъ таилъ въ себѣ для поэта и большія опасности, «повредивъ спокойному развитію его таланта». Ибо «тогда Пушкинъ былъ еще ребенкомъ; правда, великимъ, — но все еще только ребенкомъ, (вѣдь на сѣверѣ люди духовно созрѣваютъ позднѣе, чѣмъ на западѣ!)». «Не началъ ли Пушкинъ слишкомъ рано жить и расточать свой талантъ? Онъ слишкомъ переоцѣнилъ свои силы и слишкомъ быстро устремился въ высшія сферы, гдѣ самостоятельно удержаться не могъ и попалъ въ орбиту Байрона, и вращался вокругъ этого свѣтила, какъ планета, зависящая отъ своей системы и свѣтящаяся отраженнымъ свѣтомъ». Въ этотъ періодъ творчества Пушкинъ «былъ полностью байронистомъ». Но онъ былъ не столько подражателемъ, сколько одержимымъ духомъ своего излюбленнаго писателя»: «онъ не былъ фанатикомъ-байронистомъ, скорѣе его можно назвать поэтомъ байроническимъ». «Ибо — заявлялъ Мицкевичъ — если бы не было произведеній англійскаго поэта, Пушкинъ былъ бы провозглашенъ первымъ поэтомъ эпохи».

Подробно останавливался далѣе Мицкевичъ на политическихъ настроеніяхъ русскаго общества того времени, отмѣтивъ при этомъ своеобразие оппозиціоннаго духа, овѣвавшего русскую литературную среду тѣхъ лѣтъ. Россія была въ оппозиціи, но это не значитъ будто Россія созрѣла и готова къ революціи. Декабристы не понимали этого, не понимаютъ этого и иностранные наблюдатели — утверждалъ Мицкевичъ.

Давая эту характеристику русской литературной среды

и царившихъ въ ней политическихъ настроеній, Мицкевичъ писалъ на основаніи собственныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ кратковременнаго пребыванія своего въ Россіи и своихъ встрѣчъ съ русскими писателями. «Литераторы — писалъ онъ — образуютъ въ Россіи какъ бы братство, объединенное многими связями; они почти всѣ или сами богаты, или состоятъ на правительственной службѣ; по большей части, они пишутъ ради славы или значенія въ обществѣ, и такъ какъ въ Россіи талантъ еще не сдѣлался товаромъ, то среди нихъ рѣдко наблюдаются случаи профессиональной зависти или корыстной ненависти... Я не видѣлъ ни одного примѣра тому... Писатели любили тамъ часто общаться, почти ежедневно встрѣчаясь другъ съ другомъ, и проводили свою жизнь весело въ дружескихъ обѣдахъ, чтеніяхъ и спорахъ... Къ чести русскихъ литераторовъ нужно признать, что они проявили твердость и безкорыстность, примѣра чему было бы трудно отыскать въ странахъ, болѣе свободныхъ и болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ ихъ страна... Я думаю, что для того, чтобы у русскихъ, сколько нибудь значительныхъ, писателей купить хотя бы только одну сочувственную газетную статью, какую либо ничтожную похвалу или одно вѣжливое слово, не хватило бы всей суммы денегъ, которую русскій кабинетъ затрачиваетъ, покупая за границей своихъ офиціозныхъ защитниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что во время коронаціи императора Николая въ Москвѣ не могли найти ни одного поэта, который воспѣлъ бы это священнодѣйствіе, и церемонія осталась бы неизвѣстной народамъ, если бы изъ Парижа не пожаловалъ одинъ иностранный бардъ и не пропѣлъ бы у ногъ Его Величества свой пылкій легитимистическій дифирамбъ...» Мицкевичъ имѣлъ здѣсь въ виду упоминавшагося уже выше, Жака Ансело, ѣздившаго въ Москву въ дни коронаціи Николая I и вывезшаго оттуда, кромѣ своего ди-

фирамба, впечатлѣнія для своей книги «Шесть мѣсяцевъ въ Россіи и французскій переводъ нелегально распространяющагося среди русскаго общества того времени Пушкинскаго «Кинжала».

Высокой оцѣнкой русской писательской среды и ея нравовъ, Мицкевичъ достойно оплатилъ ей свой долгъ за то радушіе, гостепріимство и дружбу, которыя онъ нашель у «москалей» во время своего пребыванія въ Россіи. Пушкинъ былъ бы душевно обрадованъ, прочитавъ эти строки, написанныя рукою того, про котораго такъ вдохновенно и просто сказалъ самъ:

...Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питаль онъ; мы
Его любили; мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взираль на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили...

Это небольшое отступленіе отъ основной темы о Пушкинѣ было необходимо Мицкевичу, чтобы дать правильное освѣщеніе духу оппозиціоннаго вольнодумства и революціонности Пушкина. «Пушкинъ, — продолжалъ Мицкевичъ, — бывъ въ оппозиціи, какъ и всѣ его друзья, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, сочинилъ нѣсколько эпиграммъ на его личность и на его правительство; онъ написалъ также «Кинжалъ». Эти быстролетные стихи въ руко-

писномъ видѣ разносились отъ Петербурга до Одессы: всюду читались, комментировались, вызывали восхищеніе. Они создали поэту больше популярности, чѣмъ всѣ его послѣдующія произведенія, гораздо болѣе и по иному значительныя. Правда, для того, чтобы въ Россіи отважиться написать такія вещи, нужно было проявить большую храбрость, чѣмъ рѣшиться въ Парижѣ или въ Лондонѣ на возстаніе. Съ этого времени на Пушкина привыкають смотрѣть, какъ на главу идейной оппозиціи, какъ на человѣка, политически опаснаго для правительства...» Ссылка Пушкина — заявлялъ здѣсь же Мицкевичъ — «спасла ему жизнь», иначе онъ былъ бы неминуемо замѣшанъ въ дѣло декабристовъ. Нѣсколько парадоксальны и неожиданны для Мицкевича дальнѣйшія утвержденія о примиреніи съ Пушкинымъ Николая I. Послѣдній «вызвалъ его къ себѣ, далъ ему особую аудіенцію и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ. Это было огромное событіе, ибо до того никогда еще не видѣли царя бесѣдовавшимъ съ человѣкомъ, котораго во Франціи называли бы пролетаріемъ и который въ Россіи значилъ бы меньше, чѣмъ у насъ пролетарій. Ибо Пушкинъ, хотя и былъ благороднаго происхожденія, въ административной іерархіи не имѣлъ никакого чина, а въ Россіи человѣкъ безъ чина не имѣетъ никакого соціального значенія... На этой достопамятной аудіенціи императоръ съ интересомъ говорилъ о поэзіи. Первые русскій императоръ бесѣдовалъ о литературѣ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ».

Такъ писалъ Мицкевичъ. Замѣчательно, что именно онъ, Мицкевичъ, воздавалъ хвалу императору Николаю I за эту его встрѣчу съ Пушкинымъ и за тѣ послѣдствія, которыя по волѣ его она имѣла для Пушкина! Царь «побуждалъ поэта — пишетъ Мицкевичъ — продолжать свою работу, онъ даже позволилъ ему печатать все, что тотъ пожелаетъ, не обращаясь въ цензуру. Такъ Пушкинъ создалъ прецедентъ

на пользу свободы печати; исторія не должна забывать, что онъ былъ первымъ воспользовавшимся ею въ Россіи. Въ этомъ случаѣ императоръ обнаружилъ рѣдкую мудрость: онъ сумѣлъ оцѣнить поэта, онъ отгадалъ, что Пушкинъ слишкомъ уменъ, чтобы злоупотребить исключительной привилегіей, и слишкомъ великодушенъ чтобы не сохранить признательнаго воспоминанія о такой высокой милости...» Какъ видимъ, Мицкевичъ не раздѣлялъ ставшаго общепринятымъ въ послѣдствіи представленія о взаимодѣйствіи поэта и императора, Пушкина и Николая I, согласно которому Пушкинъ былъ лишь страдающей жертвой царскаго деспотизма. Въ Парижѣ Мицкевичъ не забывалъ того, о чемъ слышалъ въ Москвѣ въ былые годы, въ бытность свою тамъ, въ дружескомъ кругу «москалей», и теперь предъ лицомъ трагической гибели великаго русскаго поэта счелъ себя призваннымъ напомнить о тѣхъ настроеніяхъ Пушкина, которыя вызвали появленіе его знаменитыхъ «Стансовъ», и Пушкинскаго увѣренія друзьямъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю...

Мицкевичъ вспоминалъ, въ какой обстановкѣ родилось это поэтическое объясненіе Пушкина съ друзьями, неодобрявшими его поворота отъ оппозиціи къ хваламъ царю. Въ статьѣ Мицкевича мы читаемъ по этому поводу: «Но либералы косо взглянули на это сближеніе между двумя властелинами. Пушкина начали обвинять въ предательствѣ дѣла патріотовъ; а такъ какъ и возрастъ, и опытность начали побуждать Пушкина быть въ своихъ словахъ болѣе умѣреннымъ и болѣе благоразумнымъ въ своихъ поступкахъ, это измѣненіе въ поведеніи не замедлили приписать его честолюбивымъ разсчетамъ...» Такъ послѣ гибели Пушкина, рассказывая о немъ иностраннымъ читателямъ, Миц-

кевичъ счелъ обязательнымъ для себя повѣдать и объ этомъ новомъ умонастроеніи Пушкина, побудившемъ его сложить знаменитыя строфы, заканчивавшіяся огненнымъ восклицаніемъ:

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ,
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу!

Продолжая характеристику Пушкина, Мицкевичъ указывалъ далѣе, что «Цыганы» и «Полтава» (Мицкевичъ именуется эту поэму «Мазепой») — плоды дальнѣйшаго роста таланта Пушкина. «Эти двѣ поэмы болѣе реалистичны. Сюжетъ ихъ простъ, характеры дѣйствующихъ лицъ лучше задуманы и обрисованы съ силой, ихъ стиль кажется свободнымъ отъ всякой романтической неестественности. Къ сожалѣнію, байроновская форма, какъ оружіе Саула, еще стѣсняла движенія этого юнаго Давида. Однако, уже стало замѣтно, что онъ готовъ избавиться отъ нея». Эти особенности, отмѣчающія «переходъ художника отъ одной манеры къ другой» Мицкевичъ различаетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», «самомъ прекрасномъ, самомъ оригинальномъ, самомъ національномъ изъ его произведеній». Мицкевичъ указываетъ, что подобно Байрону и его «Донъ-Жуану», Пушкинъ опубликовывалъ «Евгенія Онѣгина» по частямъ, по мѣрѣ ихъ завершения и, что «въ началѣ онъ лишь подражаетъ англійскому поэту, но вскорѣ пробуетъ двигаться, рассчитывая только на собственныя силы, а кончаетъ тѣмъ, что становится вполнѣ самобытнымъ». «Сюжетъ и дѣйствующихъ лицъ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ почерпнулъ изъ реальной, частной, жизни», — здѣсь заключены и мотивы трагедіи и сцены комедіи». Что касается «Бориса Годунова», Мицкевичъ не былъ согласенъ съ тѣми, кто сопоставлялъ эту драму съ трагедіями Шекспира: «Пушкинъ былъ слыш-

комъ еще молодъ для возсозданія историческихъ лицъ»; здѣсь передъ читателями «только опытъ драмы, но этотъ опытъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуеетъ, на что поэтъ будетъ способенъ въ будущемъ: «И ты будешь Шекспиромъ, если пожелаетъ того судьба!..» («Et tu Shakespeare eris, si fata sinant!» — это восклицаніе впервые вырвалось у Мицкевича еще въ бытность его въ Москвѣ на чтеніи Пушкинымъ своей драмы, и теперь онъ повторилъ ихъ).

Говоря о Пушкинѣ этой зрѣлой поры, Мицкевичъ отмѣчалъ, что къ 30-ти годамъ въ немъ наблюдалась «замѣтная перемѣна»: «отъ иностранныхъ романовъ и журналовъ» онъ обратился къ «народнымъ сказкамъ, національнымъ пѣснямъ, исторіи своей родины», «какъ бы покидаетъ иностранныя сферы и глубже пускаетъ корни въ родной почвѣ»; «въ это время болѣе серьезной становится и его бесѣда, въ которой часто возникали зерна его будущихъ твореній; онъ любилъ обсуждать высокія религіозныя и социальныя темы, самаго существованія которыхъ, кажется, и не подозрѣвали его современники. Онъ замѣтно испытывалъ внутреннее перерожденіе. Какъ человекъ, какъ художникъ, онъ, несомнѣнно, шелъ къ измѣненію своей прежней манеры, или скорѣе — къ тому, чтобы обрѣсти ту манеру, которая была его собственной. Онъ прекращаетъ писать стихи и печатаетъ только нѣсколько историческихъ произведеній, на которыя нужно смотрѣть, какъ на подготовительныя работы. Къ чему же готовился онъ? Не къ тому ли, чтобы въ одинъ прекрасный моментъ блеснуть передъ міромъ своей эрудиціей? Нѣтъ, онъ презиралъ писателей, работающихъ безъ определенной цѣли и направленія. Онъ не любилъ философскаго скептицизма и артистическаго безстрастія Гете. Что происходило въ его душѣ? Не ждалъ ли онъ въ тиши дуновенія того духа, которымъ проникнуты произведенія Манцони, Пеллико и который какъ бы оплодотворилъ и размышленія

Томаса Мора, также теперь умолкнувшего? Или скорѣе его воображеніе устремлялось къ усвоенію идей въ духѣ Сэнъ-Симона и Фурье?» Такъ ставилъ Мицкевичъ вопросы, кажушіеся въ отношеніи Пушкина чрезмѣрно смѣлыми и неожиданными*), и отвѣчалъ: «Я не знаю этого. Въ бѣглыхъ стихахъ, въ его разговорахъ встрѣчались отраженія этихъ направленій. Какъ бы то ни было, я былъ убѣжденъ, что его поэтическое молчаніе было счастливымъ предвѣстникомъ для русской литературы. Я надѣялся снова увидѣть его на сценѣ новымъ человѣкомъ во всей силѣ его таланта, созрѣвшимъ въ опытѣ, окрѣпшимъ въ долгихъ упражненіяхъ. Всѣ, кто зналъ его, раздѣляли мои пожеланія. И вотъ выстрѣлъ изъ пистолета разрушилъ всѣ надежды!..»

«Пуля, сразившая Пушкина, — кончала свою статью Мицкевичъ, — нанесла страшный ударъ духовной Россіи... Никто не замѣнитъ Пушкина. Одной странѣ не дано рождать болѣе одного раза человѣка, который въ такой высокой степени соединяетъ въ себѣ самыя различныя, казалось бы, взаимно исключаютія достоинства. Пушкинъ, поэтической талантъ котораго такъ восхищала читателей, изумлялъ своихъ слушателей живостью, утонченностью и ясностью своего ума. Онъ былъ одаренъ выдающейся памятью, правильностью сужденій, тонкимъ и изысканнымъ вкусомъ. Тѣ, кто слышали, какъ разсуждалъ онъ объ иностранной политикѣ

*) Кн. П. А. Вяземскій въ своемъ позднѣйшемъ отзывѣ (1873 г.) на Мицкевическій некрологъ Пушкину писалъ по поводу этихъ его строкъ: «Здѣсь Мицкевичъ, какъ обольщенный ученикъ Товянскаго, совершенно удаляется отъ истины. Онъ видитъ не то что есть, а что подъ обаяніемъ возрѣнія ему мерещится. Любопытный умъ Пушкина могъ быть заинтересованъ изученіемъ возникающихъ системъ; но такъ называемыя социальныя и мистическія теоріи были совершенно чужды и противны натурѣ его...»

и о политикѣ своей страны, могли бы подумать, что онъ состарился на политической дѣятельности и воспиталъ себя на чтеніи ежедневныхъ парламентскихъ дебатовъ...»

Эту яркую характеристику разносторонней значительности неповторимости Пушкина, Мицкевичъ заключилъ словами, скрытымъ назначеніемъ которыхъ было какъ будто бы, опроверженіе злой легенды о Пушкинѣ. Эта легенда о его невыносимомъ характерѣ, какъ мы видѣли, пустила корни и въ парижской прессѣ въ сообщеніяхъ о смерти Пушкина и о его роковомъ послѣднемъ столкновеніи. Въ заключеніе Мицкевичъ писалъ: «Своими эпиграммами и сарказмомъ онъ создалъ себѣ много враговъ. Они мстили клеветой. Я достаточно близко зналъ русскаго поэта и на протяженіи достаточно большого промежутка времени; я находилъ его характеръ слишкомъ впечатлительнымъ и иногда легкомысленнымъ, но всегда прямымъ, благороднымъ и склоннымъ къ откровенности. Его недостатки зависели отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ; то, что было въ немъ хорошаго, шло отъ его сердца. Онъ умеръ въ возрастѣ 38 лѣтъ...*)»

*) Спустя три года Мицкевичъ вспомнилъ объ этомъ некрологѣ Пушкина въ своихъ хлопотахъ о полученіи каѳедры въ **Collège de France**. Онъ писалъ кн. Ад. Чарторыжскому 31 іюля 1840 года: «Я посылаю князю одну статью на французскомъ языкѣ, которую написалъ въ 1837 году при вѣсти о смерти Пушкина. Эта статья... не имѣетъ большого литературнаго значенія, но можетъ дать нѣкоторое представленіе о моемъ способѣ сужденія о москаляхъ. Если, князь, ты найдешь это необходимымъ, сообщи отъ себя эту статью министру. Убѣди его, что хотя я напечаталъ ее безъ своей подписи, я все-таки сумѣлъ соблюсти литературную нейтральность...» Въ 1935 г. Вацлавъ Ледницкій напечаталъ въ Краковѣ интересное и обстоятельное изслѣдованіе: «**Puszkin — Mickiewicz. Mickiewiczowy nekrolog Puszkina**».

Въ своихъ лекціяхъ въ **Collège de France**. Мицкевичъ еще

Кромѣ «Globe» на смерть Пушкина очень значительно откликнулись два большихъ французскихъ журнала: «Revue Française et Etrangère» и «Revue des Deux Mondes». «Revue de Paris», на одну изъ статей котораго о «судьбѣ поэтовъ», какъ мы видѣли, указывала въ своемъ взволнованномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому А. О. Смирнова-Россети, не счелъ нужнымъ отозваться на трагическій финалъ мятежной судьбы Пушкина. И только еще «Revue du XIXe Siècle» и «Revue des Etats du Nord» — отозвались на своихъ страницахъ на гибель русскаго великаго поэта: первое изъ этихъ изданій напечатало въ сокращеніи статью Леве-Веймара изъ «Journal des Débats», второе дало, въ мартовской книжкѣ, очевидно въ прямой связи съ гибелью Пушкина прозаическій французскій переводъ «сна Татьяны» изъ «Евгенія Онѣгина» (авторомъ перевода была Софія Конрадъ, до этого, въ январской книжкѣ 1837 г. того же журнала напечатавшая переводъ «Цыганъ»).

Въ июньской книжкѣ «Revue Française et Etrangère» былъ напечатанъ частью въ переводѣ, частью въ переложеніи «Борисъ Годуновъ». Эту работу выполнилъ гр. Адольфъ де Сиркуръ.

Можно не сомнѣваться, что его сотрудницей въ этомъ была его жена графиня Анастасія де Сиркуръ, урожденная Хлюстина, о письмѣ которой къ Жуковскому уже была рѣчь выше. Она и была главнымъ руководителемъ для гр. де Сиркура въ его ознакомленіи съ русской литературой вообще, и съ Пушкинымъ, въ частности*). Графъ Сиркуръ былъ

разъ вернется къ Пушкину. Въ 1842 году А. И. Тургеневъ писалъ изъ Парижа кн. Вяземскому въ Москву объ этомъ: «перешелъ къ Пушкину и сказалъ о немъ много новаго, отъ него самого слышаннаго...»

*) А. И. Тургеневъ писалъ въ 1831 году кн. П. А. Вяземскому

эрудить - полиглотъ и надъ знаніемъ его десяти иностранныхъ языковъ (русскій языкъ станетъ одиннадцатымъ) подсмѣивался Мицкевичъ. Позднѣе его называютъ «ходячей Энциклопедіей и Александрійскою бібліотекою». Онъ зналъ наизусть «Божественную Комедію» Данте и съ поразительнымъ совершенствомъ переводилъ *à livre ouvert* Шекспира. Послѣ женитьбы на русской Хлюстиной онъ началъ изучать русскій языкъ и пытался даже сочинять русскіе стихи. Легитимистъ по политическимъ убѣжденіямъ, онъ послѣ іюльской революціи измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ предпочелъ эмиграцію и примирился съ іюльской монархіей только нѣсколько лѣтъ спустя**). Въ 1836 году вмѣстѣ съ женой онъ ѣздилъ въ Россію, былъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, въ провинціи центральной Россіи и описалъ это путешествіе въ рядѣ очерковъ, напечатанныхъ въ «*Opinion publique*». Въ это путешествіе онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ Пушкинымъ.

На смерть Пушкина онъ откликнулся серьезно и значительно. Своему переводу «Бориса Годунова» онъ предположилъ небольшое вступленіе, въ которомъ познакомилъ фран-

о встрѣчѣ въ зданіи Римскаго университета на засѣданіи Археологическаго Общества съ гр. Сиркуромъ и о бесѣдѣ съ нимъ и Мезофантисомъ о русской литературѣ: «Гр. Сиркуръ сказалъ, что онъ Пушкину удивляется, а Жуковскимъ восхищается, почитая его, если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ. Пушкина молодымъ Дамамъ читать не совѣтуетъ (Попъ дочерямъ претитъ стихи его читать). Много говорили о Ломоносовѣ... Онъ всего прочелъ его; восхищался Крыловымъ, Карамзинымъ и Богдановичемъ, особенно за прелестную простоту его, и Державинымъ...»

**.) Въ 1848 году онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ дипломатической миссіей отъ республиканскаго правительства и написалъ объ этомъ интересныя воспоминанія. Съ Ламартиномъ его связывала давняя дружба.

цузовъ съ Пушкинымъ. Вотъ что писалъ онъ въ этомъ вступленіи:

«Отъ жестокой, неожиданной катастрофы только что погибъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ геніевъ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ талантовъ, какими располагала Россія. Александръ Пушкинъ, сраженный въ 37-лѣтнемъ возрастѣ, оставилъ послѣ себя незаконченными важные труды и несбывшіяся большія надежды и сожалѣнія, которыя свидѣтельствуя, сколько симпатіи во всѣхъ слояхъ его націи возбуждали и его прошлое, и его будущее. Характеръ Пушкина былъ совершенно національнымъ, хотя талантъ его и былъ воспитанъ на подражаніяхъ иностранцамъ. Прежде всего поэтъ и всегда поэтъ превыше всего, онъ испробовалъ свои силы одновременно на видахъ поэзіи описательной и сатирической, неподражаемымъ образомъ которой въ Россіи считается его «Евгенія Онѣгинъ». Въ «Цыганахъ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Крымскомъ (Sic!) фонтанѣ» и въ другихъ поэтическихъ повѣстяхъ Пушкинъ обнаружилъ богатство мощнаго воображенія и пламенную чувствительность, несмотря на крайнее непостоянство. Прелестные прозаическіе рассказы — среди которыхъ «Станціонный смотритель» соединяетъ въ себѣ достоинства одновременно и Гольдсмита и Лесажа — побудили затѣмъ Пушкина обратиться къ новому жанру, опасному въ самой своей легкости и до этого не привлекавшему его къ себѣ. Исторія, и исторія его страны, мало-по-малу поглотили и его время, и его честолюбіе. Чтобы испытать свои силы на томъ суровомъ пути, на какой онъ тѣмъ самымъ обрекъ себя, онъ избралъ сюжетомъ Пугачевскій бунтъ. Эта, хотя и очень узкая, тема оказалась любопытной и важной по тѣмъ новымъ открытіямъ, которыя онъ сдѣлалъ относительно соціального строя южной Россіи въ эпоху царствованія Екатерины II. Пушкинъ и здѣсь обнаружилъ себя поэтомъ

своими блестящими образами и живостью замысла, однако онъ не былъ лишенъ и болѣе важныхъ достоинствъ, какъ историкъ. Смѣлый и опредѣленный взглядъ, настойчивая точность въ обработкѣ матеріаловъ, широта взглядовъ, нервный и ясный стиль — всѣ эти достоинства вызвали усиленный спросъ на «Пугачевскій бунтъ»; это заставляло Россію съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидать другое обѣщанное Пушкинымъ произведеніе, несравненно болѣе широкое и болѣе важное — «Исторію Петра Великаго». Но этой надеждѣ суждено было смѣниться горькимъ разочарованіемъ».

Отмѣтивъ занятія Пушкина исторіей и страннымъ образомъ не обмолвившись ни словомъ о «Капитанской дочкѣ», и о «Полтавѣ»*), гр. Сиркуръ продолжалъ: «Драма «Борисъ Годуновъ» является связующимъ звеномъ между чисто-историческими работами Пушкина и произведеніями всецѣло поэтическими. Легко различить здѣсь, что авторъ, еще проникнутый творческимъ жаромъ и ритмической гармоніей, свойственными его прекраснымъ прежнимъ годамъ, уже въ этомъ произведеніи обращалъ свой внимательный взоръ на огромныя потрясенія, черезъ которыя его родина медленно и трудно возвысилась до наблюдаемой нами теперь степени величія, могущества и блеска. Чѣмъ сдѣлался бы Пушкинъ, ставъ на путь Карамзина, можно догадаться по тому, что онъ создалъ, слѣдуя примѣру Шекспира...» Графъ Сиркуръ, предлагалъ вниманію своихъ читателей «Бориса Годунова, какъ «совершенно классическое произведеніе сѣвера» и не побоялся сопоставить Пушкина «по геніальности» съ

*) Это тѣмъ болѣе странно, что въ одной изъ книжекъ того же «*Revue Française et Etrangère*», въ которомъ печатался Сиркуръ, была напечатана также рецензія на украинскій переводъ «Полтавы», сдѣланный Гребенкой — эта рецензія была заимствована французскимъ журналомъ изъ «Сѣверной Пчелы».

Шекспиромъ: «Драматическая форма, — продолжалъ свои замѣчанія Сиркуръ, — избранная Пушкинымъ для завершенія своей работы надъ царствованіемъ Бориса Годунова, ничуть не повредила исторической точности этого произведенія. Поэзія, которою оно не только разукрашено, но и насквозь пронизано, лишь придала живость и блескъ его изложенію: подъ суровой оболочкой хроники оно было бы неодоушевленнымъ и холоднымъ. Здѣсь передъ нами исторія въ пѣснѣ, подобно картинамъ Гомера и Эсхила: истолкователями страстей, желаній и страданій дѣйствующихъ лицъ для читателя являются не безразличные лаконическіе и часто невнимательные повѣствователи, какими бываютъ почти всегда лѣтописцы, а реальные лица».

Говоря о «Борисѣ Годуновѣ», гр. Сиркуръ, между прочимъ, отмѣчалъ: «Въ «Борисѣ» Пушкина въ той же мѣрѣ, какъ и въ «Персахъ» Эсхила, не слѣдуетъ искать дѣленія на акты, чему противится самая природа сюжета. Дѣйствіе здѣсь завязывается вовсе не по волѣ писателя. Всѣ событія предопредѣляетъ исторія и она вызываетъ ихъ развязку. Но три первыя сцены «Бориса» — подлинный прологъ, въ который Пушкинъ сумѣлъ вставить указаніе, самое подлинное и самое поэтическое, на событія, предшествовавшія коронованію его героя, благодаря которымъ этотъ моральный феноменъ сдѣлался не только возможнымъ, но также неотвратимымъ». Говоря о финалѣ Пушкинской трагедіи, гр. Сиркуръ писалъ: «Бориса нѣтъ болѣе, и однако, драма, героемъ которой онъ является, еще не окончена. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о Софоклѣ и обо всемъ его изумительномъ искусствѣ въ сценѣ погребенія Аякса. Пушкинъ хотѣлъ рассказать вовсе не о жизни и смерти Бориса, но о его воцареніи и его паденіи, которое произошло лишь послѣ его смерти въ лицѣ его невиннаго единственнаго сына...»

Таково съ небольшими сокращеніями вступленіе гр. Сир-

кура къ его переводу-переложенію «Бориса Годунова». Его работа, конечно, не осталась неизвѣстной тогда же русскимъ друзьямъ Пушкина: 26-го февраля 1838 года кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, бывшему тогда за границей: «Поблагодарите г-на и г-жу Сиркуровъ за ихъ брошюры. Я готовлю статью объ анализѣ «Бориса Годунова», или, вѣрнѣе, я прибавлю нѣсколько своихъ замѣчаній къ его замѣчаніямъ». Въ этомъ 1838 г. въ томъ же журналѣ напечаталъ графъ Сиркуръ пространное изложеніе вышедшей въ 1837 году въ Штутгартѣ нѣмецкой книги о русской литературѣ Кенига, въ созданіи которой принималъ участіе, или вѣрнѣе сказать, которую написалъ — русскій Мельгуновъ*). Пять страничекъ въ этомъ изложеніи гр. Сиркуромъ было отведено Пушкину. Отмѣтимъ также, что шесть лѣтъ спустя напечатанная въ 20-мъ томѣ парижской энциклопедіи «*Encyclopédie des hommes du Monde*» (1844 г.) біографія Пушкина была также написана графомъ Адольфомъ Сиркуромъ.

Въ августѣ 1837 г. Пушкину посвятилъ свои страницы «*Revue des Deux Mondes*». Въ августовской книжкѣ этого журнала былъ напечатанъ большой очеркъ съ подзаголовкомъ «Пушкинъ» (*Pouchkin**). Этотъ очеркъ былъ значителенъ уже тѣмъ, что въ немъ былъ данъ обзоръ главнѣйшихъ твореній поэта, и нѣкоторыя изъ нихъ были не только изложены съ большей или меньшей полнотой, но и переведены въ отрывкахъ на французскій языкъ. Явленіе Пушкина въ русской культурѣ было введено здѣсь не только въ

*) «Хвалятъ очень Мельгунова и его книгу о литературѣ, которую издаетъ нѣмецъ Кенигъ» — писалъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому 23 іюля 1837 г. изъ Берлина.

*) Этотъ очеркъ былъ напечатанъ также въ выходившемъ въ Брюсселѣ «*Revue Universelle*» (15 августа 1837 г.).

общій, хотя и намѣченный лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ, очеркъ исторіи русской литературы, но и въ широко набросанную схему культурнаго развитія и историческихъ судебъ Россіи. На протяженіи нѣсколькихъ вводныхъ страницъ здѣсь были развиты интересныя мысли о взаимодействіи Россіи и Европы, и, въ частности, Россіи и Франціи.

«Судьба Пушкина, — читаемъ мы послѣ пространныхъ вступительныхъ разсужденій автора, — такъ же, какъ и судьба Байрона, котораго онъ избралъ за образецъ для своего поведенія, долгое время была судьбой, преисполненной волненіями и заблужденіями, которыя были пагубны для его благополучія, но, можетъ быть необходимы для развитія его генія... Пушкинъ былъ изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые напоминаютъ собою могучіе дубы: они растутъ на высотахъ горъ и нужно бушеваніе бури, чтобы показать намъ, насколько глубоки ихъ корни и несокрушимы ихъ вершины. Кромѣ того, эти волненія и заблужденія были неминуемымъ послѣдствіемъ того противорѣчія, которое должно было возникнуть между страной, гдѣ Пушкину было суждено жить, и той кастой, къ которой онъ принадлежалъ, и инстинктами его неукротимой натуры. Это былъ неистовый другъ независимости, приверженецъ либеральныхъ учрежденій, которыя онъ хотѣлъ бы перенести въ Россію. Онъ съ чудесной легкостью переходилъ отъ труда къ бездѣйствію, отъ буйства оргій къ блаженству совершенно азіатской лѣни; чловѣкъ невѣрующій, вскормленный насмѣшливой философіей Вольтера и опустошающимъ скептицизмомъ Байрона, онъ долженъ былъ съ открытымъ забраломъ пойти на разрывъ съ тѣми социальными приличіями, которыя такъ ревниво блюла высшая русская аристократія, съ ея совершенно восточнымъ поклоненіемъ Государю, совершенно матеріальной религіей, отличающейся воздержаніемъ и монашескими строгостями. Этимъ была предрѣшена судьба Пушкина и она свершилась...»

Далѣ слѣдовала біографія Пушкина. Авторъ «*Revue des Deux Mondes*». отмѣчалъ, что творчество Пушкина началось въ его школьные годы въ Царскосельскомъ Лицеѣ. «Онъ началъ свою поэтическую дѣятельность 13-ти лѣтъ нѣсколькими небольшими стихотвореніями, которыя были преувеличенно превознесены и собраны (Sic!) во-едино подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Царскомъ Селѣ». «Этотъ успѣхъ школьника едва не сдѣлался для него роковымъ. Онъ разжегъ его тщеславіе, вскружилъ его юную голову, и отбративъ отъ изученія классиковъ, къ которымъ онъ едва лишь приступилъ, вызвалъ въ немъ преждевременный порывъ страстей, уже бродившихъ въ его отроческомъ сердцѣ. 20-ти лѣтъ онъ печатаетъ свою поэму «Русланъ и Людмила», но его дерзкое поведеніе и рѣчи беспокоятъ его семью, изумляютъ свѣтскій кругъ и не нравятся его учителямъ». Указавъ, что «ода на вольность» вызвала ссылку молодого Пушкина въ Бессарабію, авторъ этого Пушкинскаго очерка продолжалъ: «тамъ лицомъ къ лицу съ дикою и величественной природой, одинъ среди народа, на котораго цивилизація еще не наложила своего всеуравливающего клейма и который чрезвычайно напоминаетъ скиѳовъ древности, татаръ центральной Азіи (Sic), Пушкинъ съ упоеніемъ предается всяческимъ новымъ впечатлѣніямъ, всецѣло его захватывающимъ. Онъ, созерцаетъ прозрачныя и величественныя воды Дона, Черное море, которое шлетъ ему свой отдаленный шумъ и морскія дуновенія степи, молчаливо простирающіяся у его ногъ. Онъ восхищенъ всѣмъ этимъ, потому что онъ человѣкъ и потому что природа своими грандіозными зрѣлищами говоритъ языкомъ, понятнымъ для всѣхъ. Онъ льетъ слезы, потому что онъ въ изгнаніи, и онъ поетъ, потому что онъ поэтъ. Такъ прошла часть его юности, и онъ въ нѣсколькихъ строфахъ самъ рассказалъ намъ о своихъ первыхъ годахъ»...

Не будемъ упрекать автора за нѣкоторую стилизацію, за всѣ преувеличенія, хронологическія неточности, ошибки и даже нелѣпости, допущенныя имъ на этихъ страницахъ — все это простительно иностранцу, писавшему о Пушкинѣ почти тотчасъ послѣ его смерти, и отмѣтимъ, что вслѣдъ за этими строками были приведены во французскомъ прозаическомъ переводѣ Пушкинскіе автобіографическіе стихи:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ...

«Ссылка, — читаемъ мы далѣе, — по крайней мѣрѣ на время вырвавшая его изъ порочнаго свѣта, бросила его въ объятія одиночества и природы. Періодъ сожалѣній и страданій, но также и труда, сосредоточенности, размышленій продолжался до вступленія на престолъ императора Николая I. Вызванный въ Петербургъ и подкрѣпленный милостью, которую онъ получилъ, не прося о ней, Пушкинъ снова появляется съ шумомъ на поприщѣ своихъ «подвиговъ» и заявляетъ о себѣ новыми безразсудствами, едва прикрываемыми широкими складками плаща поэта. Онъ громко исповѣдуетъ атенизмъ, онъ — игрокъ, онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы драться на дуэли. Всѣ эти важныя занятія, которыя, казалось бы, должны были поглотить все его время, не мѣшаютъ ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создать большое количество отдѣльныхъ стихотвореній и нѣсколько болѣе крупныхъ произведеній, выдвигающихъ его въ первый рядъ писателей его отечества. Наконецъ, уставъ, повидимому, отъ этого существованія Донъ-Жуана, онъ женится. Оттого ли, что годы и пресыщеніе уже уgomонили жаръ его страстей, оттого ли, что онъ уступилъ непреодолимому вліянію религіи и добродѣтели, когда ихъ олицетвореніемъ явилась прекрасная, молодая и любимая женщина, — Пушкинъ отказывается отъ безпорядочныхъ удовольствій; онъ

какъ бы постигъ такъ долго осмѣиваемую имъ радость домашняго очага. Отнынѣ онъ предается творчеству и работѣ уже не капризными скачками, но съ выдержаннымъ и разсудительнымъ рвеніемъ. Онъ трудился надъ большой работой о Петрѣ I, когда, будучи оскорбленнымъ своимъ своякомъ барономъ д'Антесомъ, въ наиболѣе святыхъ для мужа чувствахъ, касающихся чести жены, которая была ему дорога, — онъ вызвалъ на дуэль истиннаго зачинщика. Правда была на его сторонѣ, но небо словно хотѣло его покарать за то, что онъ столько разъ рисковалъ своею жизнью и угрожалъ жизни другихъ изъ-за ничтожныхъ любовныхъ столкновений: ему не было дано отомстить за то единственное, дѣйствительно настоящее оскорбленіе, которое было нанесено его чести и его чувствамъ. Смертельно раненый своимъ противникомъ, онъ скончался спустя нѣсколько дней, мужественно раскаявшись, какъ говорятъ, въ ошибкахъ своей прошлой жизни, или, лучше сказать, какъ поэтъ, безъ страха и ропота, съ улыбкой онъ испустилъ послѣдній вздохъ своей души и гения...»

Въ этой характеристикѣ второй половины жизни Пушкина встрѣчается не мало неточностей и упущеній, а также порою сдѣланы неправильныя ударенія и невѣрно истолкованы и освѣщены нѣкоторые моменты его біографіи. Совершенно своеобразно и фантастично, напр., объясненіе обращенія Пушкина къ религіи, въ результатѣ якобы его женьитьбы! Но въ общемъ жизненный путь Пушкина и пережитый имъ внутренній переломъ представлены были здѣсь вѣрно. Отмѣтимъ также заключающееся здѣсь рѣшительное оправданіе Пушкина въ его дуэли...

Переходя къ характеристикѣ Пушкина, какъ поэта, авторъ этого любопытнаго очерка предварялъ французскихъ читателей объ особенной трудности для него этой задачи: — дать характеристику иностраннаго поэта вообще нелегко,

а Пушкина, въ особенности. «Какъ понять, — спрашивалъ онъ, — иностранцу поэта элегическаго, живописующаго, какимъ былъ Пушкинъ, главное достоинство котораго прежде всего въ формѣ, и лѣнивое воображеніе котораго отнюдь не создало какой-либо обширной эпопеи, осѣняющей всѣ вѣка и всѣ поколѣнія? Возможно ли понять Пушкина по переводамъ? Вѣдь, переводя его, вы уничтожаете самый стиль — то ослѣпительное одѣяніе, въ которое онъ облакаетъ свою мысль. Вы уничтожаете у него не только простую гармонію, которая рождается изъ ритма и ласкаетъ только слухъ, но и гармонію духовную, создаваемую удачнымъ употребленіемъ выражений, образовъ, которые присущи данному языку и только на этомъ языкѣ сочетаются другъ съ другомъ, сливаются одни съ другими, и, соединяясь, всѣ трогаютъ и плѣняютъ, ускользя отъ анализа. Предъявляя вашимъ читателямъ холодную копію, безцвѣтную, непонятную для нихъ, какъ сможете вы восхитить ихъ оригиналомъ, который понятенъ только для васъ?..» Это предупрежденіе французскаго истолкователя Пушкина, конечно, дѣлало ему честь — онъ понималъ, какую огромную отвѣтственность онъ бралъ на себя, знакомя съ Пушкинымъ французъ.

Особенное вниманіе было удѣлено въ этомъ очеркѣ отдѣльнымъ стихотвореніямъ Пушкина. «Здѣсь, — писалъ авторъ, — гений Пушкина обнаруживается наиболѣе свободно; здѣсь его душа отражается съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ; здѣсь его характеръ обрисовывается съ наибольшей искренностью и ясностью. Здѣсь проявляется та его независимость мысли, которая дѣлала изъ его существованія муку. Онъ не склоняетъ колѣнъ ни передъ какимъ идоломъ, не ищетъ никакого покровительства; онъ даже не сочинилъ ни одного рифмованнаго посланія, не обратился ни съ малѣйшей лестью къ всемогущему самодержцу Россійскому, а,

конечно, для этого представлялось не мало случаев»... «Въ этомъ различіе между имъ и Овидіемъ, также испытаннымъ горечь ссылки!» — прибавлялъ къ сказанному авторъ.

Но Пушкинъ былъ здѣсь предметомъ не только восхваленія, но обличенія и порицанія. Онъ обличался здѣсь въ безбожіе. Конечно, ошибочно авторъ утверждалъ, что у него «совершенно отсутствовало религіозное чувство, которое такъ прелестно согласуется съ любовью, мечтательностью, печалью...» Пушкинъ, по словамъ автора, «никогда не устремлялъ своего взора къ небу — ни благословляя его, какъ Ламартинъ, ни проклиная, какъ Байронъ». Онъ не замѣчалъ, что «его лиръ недостаетъ одной струны, что душѣ его не хватаетъ одного чувства, что въ его поэтической гаммѣ нѣтъ одного тона, между тѣмъ, какъ онъ такъ прекрасно умѣлъ пробѣгать и модулировать во всѣхъ другихъ тональностяхъ. Воспитанный на урокахъ 18-го столѣтія, неужели онъ не слышалъ протяжнаго крика надежды, который устремляли къ небу всѣ великіе и благородные умы нашей эпохи? Его жизнь и его творенія, кажется, подтверждаютъ эту печальную истину. Атеистъ въ своихъ рѣчахъ, онъ былъ язычникомъ въ своей поэзіи. Всѣ божества Олимпа и Парнасса, казалось, назначили себѣ здѣсь свиданіе. Здѣсь фигурируютъ и Марсъ, и Венера, музы и Вакхъ съ неизбѣжнымъ его кортежомъ вакханокъ. Пушкинъ — язычникъ, какъ Анакреонъ, какъ Андрэ Шенье. Въ первыхъ опытахъ своей юности, онъ предается чувственности. Свѣжій и граціозный колоритъ Парни онъ воспроизводитъ съ рѣдко удачной выразительностью. Позднѣе его любовью и поэтически-ми восторгами овладѣваетъ Шенье, онъ подражаетъ ему, переводитъ его, въ трогательной элегіи оплакиваетъ его смерть; наконецъ, еще позднѣе, онъ заимствуетъ у Байрона пѣсни полныя горькой печали...»

Какъ видимъ, пониманіе развитія Пушкина-поэта здѣсь,

несмотря на совершенно ошибочныя представленія о немъ, значительно углублено по сравненію съ утвержденіями, заключавшимися въ другихъ парижскихъ откликахъ на смерть Пушкина и литературныхъ справкахъ, въ которыхъ мы замѣтили стремленіе свести его литературное начало только къ одному Байрону. Его поэтическая родословная тѣмъ самымъ введена была здѣсь въ болѣе правильную перспективу.

«Другъ шумныхъ пировъ, — читаемъ мы дальше, — гдѣ громко кричать, чтобы оглушить самихъ себя, обуреваемый страстями, которыя несмотря на ихъ эфемерность, не были, однако, буйными, Пушкинъ долженъ былъ часто испытывать упадокъ чувствъ, пресыщенныхъ удовольствіями, отвращеніе къ вещамъ, людямъ, славѣ». «Шенье въ особенности былъ близокъ Пушкину», — это утвержденіе о сходствѣ Пушкина и Шенье, было особенно дорого автору этого очерка «*Revue des Deux Mondes*». и онъ слѣдующимъ образомъ развивалъ далѣе эту мысль: «Какъ и Шенье, онъ исключительно поглощенъ любовью къ прекрасному въ природѣ и въ искусствѣ; какъ и онъ, онъ питаетъ исключительный культъ къ формѣ; содержаніе его стиховъ мало беспокоитъ его, онъ беззащитно заимствуетъ его и у древнихъ, и у современниковъ; искусный чеканщикъ, онъ пріобрѣтаетъ нужный ему слитокъ золота или серебра, не давая себѣ трудъ раскапывать землю, чтобы извлечь его оттуда; онъ обрабатываетъ его затѣмъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и съ безграничнымъ искусствомъ; и когда кончаетъ свою работу, онъ съ улыбкой говоритъ себѣ, что отнынѣ уже не будутъ помнить о металлѣ, доставленномъ рудокопцъ, и будутъ только видѣть вазу или чашу, созданныя мастеромъ, и изумляться и восхищаться ими. Подвижной и бродяжническій умъ, онъ на удачу смѣшиваетъ сюжеты шуточные съ серьезными и меланхолическими. Здѣсь онъ оттачиваетъ эпиграмму противъ надоедливаго Зоила, тамъ нашептываетъ

элегію, далѣ онъ наивно рассказываетъ какую-нибудь народную балладу. Это не путешественникъ, который, стремясь достигъ цѣли, быстро двигается по пыльной тропинкѣ; это — непослушный ребенокъ, который бродитъ по долинкамъ, любитъ своимъ отраженіемъ въ ручьи, срываетъ цвѣтокъ, обрываетъ лепестки, ложится подъ деревомъ и засыпаетъ, тихо убаюкиваемый видѣніями счастья. Картины природы, клики войны, пѣсни любви, страстные вздохи, разочарованіе, печаль, устремленія къ славѣ — эти темы Пушкинъ варьируетъ неизсякаемо плодотворно».

Передавъ вкратцѣ Пушкинское посланіе къ дядѣ Василю Львовичу, элегію — «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», стихи «Поэту» («Пока не требуетъ поэта...»), авторъ этой, какъ видимъ, обстоятельной, хотя и невѣрной во многомъ и въ существенномъ, характеристики Пушкина, обращалъ особое вниманіе читателей на его стихи, сочувственные Наполеону («Чудесный жребій совершился...»). Пушкинъ противопоставлялся, при этомъ, Жуковскому, отрицательно отзывавшемуся о Наполеонѣ въ своихъ стихахъ 1816 г. Переходя далѣ къ характеристикѣ Пушкина-драматурга, авторъ статьи въ «*Revue des Deux Mondes*» заявлялъ: «Пушкинъ не былъ рожденъ для драмы и единственная драма написанная имъ, достаточно доказываетъ отсутствіе у него этого призванія». Эта драма — «Борисъ Годуновъ», «эпизодъ изъ русской исторіи, переданный въ формѣ діалога, вмѣсто того, чтобы быть рассказаннымъ въ повѣствовательной формѣ». Автору этого очерка о Пушкинѣ было извѣстно, что предшественниками Пушкина въ области трагедіи были Княжнинъ и Сумароковъ и что Пушкинъ отнюдь не похожъ на нихъ, порвавъ съ традиціей «трехъ единствъ», традиціями Вольтера и Расина. «Его манера, — пишетъ онъ, — болѣе свободна и болѣе смѣла, онъ быстро переходитъ отъ прозы къ ритмической рѣчи, не отступаетъ ни передъ какой

тривіальністю, бросаетъ въ свои діалоги народныя реченія, вплоть до французскихъ и нѣмецкихъ ругательствъ. «Борись Годуновъ» заключаетъ въ себѣ много прекраснаго въ деталяхъ и свидѣтельствуєтъ о добросовѣстномъ изученіи національной исторіи». Но эта характеристика «Бориса Годунова» (другимъ французскимъ истолкователемъ Пушкина, расцѣнивавшагося, какъ его шедевръ) заканчивалась приведеніемъ двухъ сценъ во французскомъ переводѣ: сцены въ Чудовомъ монастырѣ и сцены у фонтана. «Желая написать драму, — продолжалъ упорствующій въ своемъ непризнаніи Пушкина, какъ драматурга, авторъ *«Revue des Deux Mondes»*, — Пушкинъ не понималъ природы и назначенія своего таланта; но это непониманіе, всегда опасное для писателя, есть единственное, въ чемъ можно его упрекать...»

Съ большими или меньшими подробностями далѣе излагалось содержаніе другихъ крупныхъ произведеній Пушкина, причемъ «Русланъ и Людмила» встрѣтилъ здѣсь довольно суровую оцѣнку. Эта поэма именовалась здѣсь «памятникомъ патріотической реакціи, возникшей среди русскихъ литераторовъ въ пользу національной старины и традиціи» и здѣсь же заявлялось, что это произведеніе «не можетъ возбудить живого интереса» и «ничего не говоритъ нашей серьезной и положительной эпохѣ, «не принадлежа къ поэзіи въ современномъ смыслѣ». Успѣхъ «Руслана и Людмилы» въ Россіи объяснялся здѣсь тѣмъ, что «поэзія въ Россіи поставлена въ иныя условія, чѣмъ во Франціи. Тамъ нѣтъ свободныхъ и народныхъ учреждений, за жизнью которыхъ она могла бы слѣдовать и которыя могли бы ее возбуждать... Поэзія не можетъ тамъ притязать на то философское, умственное, социальное назначеніе, которое ей предрекъ авторъ «Размышлений» (т. е. Ламартинъ). Тамъ ея единственная цѣль развлекать легкомысленную и невнимательную публику...» «Бахчисарайскій Фонтанъ» также не

шедевръ Пушкина: въ этой поэмѣ Пушкинъ, оказывается, погрѣшилъ тѣмъ, что не воспользовался своимъ сюжетомъ, чтобы «показать намъ въ торжествѣ христіанки-рабыни надъ жестокимъ мусульманиномъ все превосходство нашего просвѣщенія, нашихъ вѣрованій, нашей цивилизаціи...» Также «достаточно незначителенъ» по идейному содержанію и «Кавказскій Плѣнникъ», и Пушкину здѣсь вмѣнялось въ вину, что онъ не возсоздалъ подлиннаго характера отважныхъ и героическихъ кавказскихъ горцевъ: «Пушкинъ, какъ русскій, долженъ былъ отлично знать этихъ храбрыхъ мучениковъ свободы, которые покинуты Турціей, забыты всѣмъ міромъ, зажаты между Чернымъ и Каспійскимъ морями и которые защищаютъ пядь за пядью ущелья своихъ горъ»... «Московское завоеваніе можетъ совершенно искоренить ихъ, но никогда не покорить», — такъ писалъ французскій литераторъ, недовольный тѣмъ, что русскій поэтъ не внесъ въ свою поэму того, что отвѣчало французскимъ представленіямъ о Кавказѣ того времени.

«Евгеній Онѣгинъ» (оно названо было «последнимъ произведеніемъ писателя») встрѣтилъ, наоборотъ, очень благоприятную оцѣнку, и былъ провозглашенъ шедевромъ Пушкина. «Простое и увлекательное дѣйствіе, гибкій и легкій стиль, блески остроумія — все это является отличительной особенностью каждой страницы этой поэмы. Видно, что Пушкинъ не выдумываетъ, а рассказываетъ, передаетъ здѣсь всегда лишь свои воспоминанія, анализируетъ свои страсти, изображаетъ свой собственный характеръ, вдохновенно, просто и добродушно выставляетъ здѣсь всю свою жизнь дэнди, пресыщеннаго человѣка, дуэлянта, поэта. Онъ дѣйствительно видѣлъ тотъ міръ, который описываетъ, онъ посѣщалъ его салоны, сталкивался плечомъ къ плечу съ выдающимися его лицами; самъ былъ ихъ героемъ и жертвой, предметомъ ихъ восхищенія или гоненія...» и т. д., и т. д.

Изложеніемъ и оцѣнкой «Евгенія Онѣгина» заканчивался обзоръ Пушкинскаго творчества въ статьѣ «*Revue des Deux Mondes*». Всѣ прозаическія произведенія Пушкина оказались исключенными изъ него. Въ этой любопытной и яркой характеристикѣ Пушкина встрѣчается не мало спорныхъ утвержденій касательно тѣхъ или другихъ частности и отдѣльныхъ Пушкинскихъ твореній, но еще болѣе спорнымъ было здѣсь общее заключеніе о Пушкинѣ-поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ вотъ что читаемъ мы въ этомъ заключеніи: «Нельзя было бы приписать Пушкину силу выдумки, глубины чувства, смѣлость образовъ, широту философскаго взгляда, что именно и отличаетъ генія. Каждый изъ сюжетовъ Пушкина является только темой, на которую онъ свободно расшиваетъ блестящія варіаціи, капризные фантазіи. Но что обезпечиваетъ ему безсмертіе, это — его стиль. Въ этомъ стилѣ все полноувѣсно, поэтично, гармонично, подобно тому какъ это свойственно подлинной сѣльфидѣ. Его періоды округлены, уравнированы, завершены съ неизъяснимымъ очарованіемъ. Удивляешься его легкому граціозному полету, и забываешь потребовать отъ него силы и подъема. Когда слышишь его пріятный меланхолическій голосъ, нашептывающій звуки безконечной нѣжности, вы и не подумаете, что этотъ голосъ могъ бы быть и болѣе разнообразнымъ, и болѣе всеобъемлющимъ...»

Конечно, эта характеристика Пушкинскаго генія болѣе, чѣмъ спорна. Пушкинъ только великолѣпный стилистъ; у Пушкина нѣтъ глубины содержанія, ему недостаетъ разнообразія, и отъ него хотѣлось бы большей широты и силы! — всѣ эти утвержденія вызываютъ рѣшительный протестъ...

Но, давая такую оцѣнку Пушкину, авторъ статьи «*Revue des Deux Mondes*» все же предвидѣлъ возможность и иного Пушкина — Пушкина, пережившаго внутренній кризисъ и пришедшаго къ мудрости. «Пушкинъ — чи-

таемъ мы здѣсь — умеръ 36 лѣтъ, въ самомъ расцвѣтѣ своей жизни, во всемъ блескѣ таланта; умеръ въ то время, когда его характеръ, казалось, испыталъ спасительный переворотъ подъ воздѣйствіемъ несчастій, размышленій и жизненнаго опыта...» Онъ работалъ надъ исторіей Петра Великаго, и «онъ умеръ — такъ заканчивается статья *«Revue des Deux Mondes»* — въ тотъ моментъ, когда, чувствуя, можетъ быть, всю неполноту и незаконченность своихъ предшествующихъ произведеній, онъ готовился воздвигнуть памятникъ Петру I, связать свое имя съ именемъ этого могущественнаго реформатора, громадная фигура котораго господствуетъ надъ всей исторіей Россіи и какъ бы раздѣляетъ ее на двѣ половины: одну, обращенную къ Азіи и къ варварству, и другую, устремленную къ Европѣ и къ цивилизаціи...»

Этотъ Пушкинскій очеркъ *«Revue des Deux Mondes»* не былъ подписанъ никакимъ именемъ, и кто написалъ его, является загадкой до сего времени. Позднѣе въ указателѣ этого журнала, составленномъ нѣсколько десятилѣтій спустя, авторомъ этого очерка былъ названъ Шарль Бодье (*Charles Baudier*). Но врядъ ли это не ошибка составителя указателя. Французская библіографія не знаетъ, какъ будто бы, такого имени въ Пушкинскую эпоху. Въ настоящее время не извѣстно ничего о немъ, кромѣ одного этого упоминанія въ позднѣйшемъ указателѣ и въ самой редакціи *«Revue des Deux Mondes»* о немъ ничего теперь не знаютъ.

Такъ невольнo возникаетъ предположеніе, не оказалось ли оно приуроченнымъ къ изложенной статьѣ о Пушкинѣ по какому то недоразумѣнію. Но самое содержаніе этого Пушкинскаго очерка свидѣтельствуетъ, что авторъ ея не былъ случайнымъ гостемъ въ области литературной критики

Въ *«Revue des Deux Mondes»*. этотъ очеркъ о Пушкинѣ былъ включенъ въ серію статей, объединенныхъ заглавіемъ:

«Поэты и романисты Сѣвера», въ которую вошли кромѣ этого очерка о Пушкинѣ очерки о писателяхъ Эйленсбегерѣ, Тегнерѣ и Рунебергѣ (въ 1837-1839 г.). Извѣстно, что авторомъ этихъ послѣднихъ этюдовъ былъ Ксавье Мармье. Такъ ставится вопросъ, не былъ ли именно онъ и авторомъ очерка о Пушкинѣ, тѣмъ болѣе, что Ксавье Мармье впоследствии живо интересовался русской литературой, изучалъ русскій языкъ, переводилъ русскія статьи и, въ частности, «Метель», «Выстрѣлъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина. Но это было въ 1854 и 1857 гг., послѣ того какъ въ 40-хъ годахъ онъ побывалъ въ Россіи и напечаталъ въ томъ же «*Revue des Deux Mondes*» четыре корреспонденціи объ этомъ путешествіи въ Россію. Перу Ксавье Мармье принадлежатъ также нѣсколько страницъ съ характеристикой Пушкина въ его «Письмахъ о Россіи, Финляндіи и Польшѣ» (1843 г.) и въ другой позднѣйшей книгѣ: «Путешествія и литература» (1862 г.), въ которой одинъ изъ очерковъ такъ и озаглавленъ «Пушкинъ и русская литература». Но какъ разъ сопоставленіе этого матеріала съ Пушкинской статьей 1837 г. «*Revue des Deux Mondes*» побуждаетъ отрицать авторство Ксавье Мармье по отношенію къ этой статьѣ. Его позднѣйшія высказыванія о Пушкинѣ, да и самый стиль его писаній, совсѣмъ иные. Кромѣ того, извѣстно, что какъ разъ въ 1837 году Ксавье Мармье былъ всецѣло поглощенъ датско-скандинавскимъ міромъ и путешествовалъ по Даніи и Скандинавіи. Можетъ быть правильно было бы эту чрезвычайно яркую Пушкинскую статью «*Revue des Deux Mondes*» отнести къ авторству — единоличному или коллективному — постоянныхъ сотрудниковъ этого журнала, какъ разъ въ это время ведущихъ въ немъ литературный отдѣлъ — Густава Планша или Шарля Лабитта... Леве-Веймаръ тогда же, какъ разъ въ номерѣ съ Пушкинской статьѣй напечаталъ обстоятельный публицистическій очеркъ о Россіи...

IV

Александръ Ваттемаръ, или просто сокращенно — Александръ, былъ замѣчательный актеръ-мимистъ, развѣзжавшій по всему міру и всюду стяжавшій огромный успѣхъ своимъ своеобразнымъ искусствомъ.

Въ 1834 году онъ побывалъ и въ Россіи, гдѣ также имѣлъ большой успѣхъ и гдѣ также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, встрѣчался съ писателями. Слепой поэтъ Козловъ написалъ ему трогательное посланіе въ стихахъ:

Весь міръ дивитъ твой даръ чудесный,
И чародѣя мнѣ-ль хвалить? .

Встрѣчался съ нимъ и Пушкинъ и пришелъ въ восторгъ отъ него, принимая его у себя, какъ гостя. Въ письмахъ къ женѣ Пушкина мы найдемъ рассказъ о встрѣчахъ его съ Ваттемаромъ: Пушкинъ именовалъ его «вентрилокомъ» (чревовѣшателемъ) и сожалѣлъ о томъ, что его представленіями не позабавилась и Наталья Николаевна, находившаяся въ это время въ деревнѣ. Кромѣ того сохранились два письма Пушкина, непосредственно связанные съ нимъ: одно къ Загоскину съ рекомендаціей ему Ваттемара и съ просьбой помочь ему въ устройствѣ московскихъ его выступлений и другое объ этомъ же къ самому Ваттемару. Но отъ встрѣчъ Пушкина съ Ваттемаромъ сохранился и другой вещественный слѣдъ, кромѣ этихъ писемъ, а именно Пушкинскій автографъ — запись Пушкина въ альбомѣ Ваттемара.

Александръ Ваттемаръ былъ страстный коллекціонеръ. Онъ собиралъ автографы, медали и рисунки художниковъ

и другихъ выдающихся лицъ, и въ своихъ скитаніяхъ по свѣту собралъ богатыя и интересныя коллекціи.

Въ началѣ 1837 года онъ издалъ въ Парижѣ «Космополитическій Альбомъ», роскошное — для тѣхъ лѣтъ — литографированное воспроизведеніе своихъ коллекцій автографовъ, медалей и рисунковъ. Здѣсь были воспроизведены и старинные историческіе автографы великихъ, большихъ и просто замѣтныхъ, историческихъ лицъ, а также автографы и его современниковъ, по большей части являющіеся посвященіями ему лично.

Гибель великаго русскаго поэта была отмѣчена въ этомъ альбомѣ тѣмъ, что автографъ Пушкина былъ помѣщенъ здѣсь на первомъ же листѣ, а въ примѣчаніяхъ содержался его краткій некрологъ. «Наши газеты, — читаемъ мы здѣсь, — извѣстили о смерти несчастнаго Пушкина (*de l'infortuné Pouchkine*), стихи котораго русскіе декламируютъ подобно тому, какъ нѣмцы распѣвають пѣсни Шиллера, а гондольеры Венеціи строфы Тассо. Пушкинъ былъ неменьшимъ поэтомъ, чѣмъ послѣдніе...» Далѣе слѣдовала краткая біографическая справка о Пушкинѣ съ указаніемъ его главнѣйшихъ произведеній, при чемъ она была составлена на основаніи фельетона Леве-Веймара въ «*Journal des Débats*»*).

Такъ въ самый годъ смерти Пушкина Парижъ, а вмѣстѣ съ нимъ и остальной иностранный міръ, могъ прочитать очеркъ великаго русскаго поэта. Въ «Космополитическомъ Альбомѣ» были напечатаны подъ древнимъ автографомъ Фридриха Мудраго двѣ строки, воспроизводящія руку Пуш-

*) Въ «*Siècle*» 10 августа была напечатана рецензія на это изданіе. Она была подписана инициалами «L. V.», но за этими инициалами скрывался не Леве-Веймаръ, а Луи Виардо, позднѣе ставшій другомъ Тургенева и переводчикомъ вмѣстѣ съ послѣднимъ Пушкинскою «Капитанскою дочки»; — въ этой рецензіи, между прочимъ, имѣлись такія строки: «1-ый выпускъ содержитъ въ себѣ

кина. Эти двѣ строки гласили: «Ваше имя легионъ, ибо васъ много. 16 іюня ст. стилия 1834 года. С.-Петербургъ. А. Пушкинъ»**). Пушкинъ перифразировалъ текстъ Св. Писанія, обращаясь къ симпатичному артисту - миму, умѣвшему до неузнаваемости преобразаться, измѣняя черты своего лица и тембръ голоса и создавая иллюзію, что, дѣйствительно, Александровъ Ваттемаровъ былъ не одинъ, а миллионъ.

Въ годъ смерти Пушкина, но уже безъ всякой связи съ этимъ горестнымъ фактомъ, въ Парижѣ появилось и любопытное изданіе, заключавшее въ себѣ рядъ французскихъ прозаическихъ переводовъ стиховъ Пушкина. Это изданіе — «*La Balalaïka, chants populaires russes et autres morceaux de poésie*» — было какъ бы вѣнкомъ на гробъ Пушкину, и авторомъ этихъ переводовъ былъ одинъ молодой французскій литераторъ, въ своихъ путешествіяхъ по свѣту однажды очутившійся въ Петербургѣ и увезшій съ собою оттуда на родину приверженность къ этой странѣ и восхищеніе передъ ея литературой. Имя этого француза — Поль де Жюльвекуръ.

Самъ Поль Жюльвекуръ не надолго пережилъ Пушкина и послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1845 г.) можно сказать, посвятилъ Россіи.

«Въ продолженіе семи лѣтъ — скажетъ онъ въ предисловіи къ одной своей повѣсти («Настасья» — *Nastasie, ou Faubourg Saint Germain moscovite* — 1842 г.) — я прожилъ въ Россіи, и женился на русской*), я жилъ тамъ

и нѣсколько словъ русскаго поэта Пушкина, недавнюю утрату котораго оплакиваетъ его родина».

***) Запись была французская: «*Votre nom est Légion, car vous êtes plusieurs*». 16 juin v. st. 1834. St-Petersbourg. A. Pouchkine.

*) Маріи Николаевнѣ Кожиной, урожд. Всеволожской.

почти, какъ русскій... Мнѣ хотѣлось увидѣть своими глазами эту огромную Имперію на всемъ ея пространствѣ, я извѣздилъ ее съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ... Я былъ принятъ русскими болѣе, чѣмъ дружески; они протянули мнѣ руку, какъ своему соотечественнику и брату...» Упомянутое о немъ мы находимъ въ дневникѣ секретаря російскаго посольства въ Парижѣ, Виктора Балабина, который написалъ о немъ 31 декабря 1842 г.: «превосходный малый, легитимистъ чистой воды, искренній почитатель, усердный и пылкій, Императора и русскаго народа». Эти чувства къ Россіи Жюльвекуръ и выразилъ въ предисловіи къ своей «Балалайкѣ», вышедшей въ свѣтъ въ началѣ 1837 года.

«Балалайка» Жюльвекура заключала въ себѣ его французскіе переводы русскихъ народныхъ пѣсенъ и стихотвореній (кромѣ Пушкина здѣсь были представлены Козловъ, Жуковский, Баратынский, Ростопчина, Глинка, Бенедиктовъ, Рылѣевъ, Державинъ). Изъ Пушкина здѣсь были переведены: «Бѣсы», «Талисманъ», «Черная шаль», «Женихъ», «Домовому», «Примѣты», «Утопленникъ», «Пиръ Петра Великаго», «Ты вянешь и молчишь», «Зима», и отрывокъ изъ «Цыганъ». Предисловіе, предпосланное имъ этимъ переводамъ, было горячимъ панегирикомъ по адресу Россіи и ея литературы: Россія противопоставлялась здѣсь одряхлѣвшей Европѣ, а начало современной русской литературы возводилось къ «Слову о Полку Игоревѣ»...

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1843 году, въ Парижѣ вышла другая франко-русская книжка, подписанная именемъ того же Жюльвекура, и на этотъ разъ въ ней напечатанъ былъ переводъ Пушкинской «Пиковой Дамы» — по помѣщенной на первомъ мѣстѣ повѣсти Павлова общій заголовокъ этой книгѣ былъ данъ: «Yataghan». Жюльвекуровскій переводъ «Пиковой Дамы» былъ первымъ переводомъ на французскій языкъ этого замѣчательнаго творенія Пушкина, съ которымъ

нѣсколько позднѣ прочно и неразрывно свяжетъ свое имя и другой французскій писатель, про котораго самъ Пушкинъ отозвался такъ: «острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Газюль, «Хроники временъ Карла IX», «Двойной ошибки» и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ...» Этимъ другимъ французомъ, вторымъ послѣ Жюльвекура, переводчикомъ «Пиковой Дамы» былъ Просперъ Мериме. Просперъ Мериме зналъ о Пушкинѣ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ французовъ тѣхъ лѣтъ. Другъ Пушкина, дружившій и съ Мериме, Соболевскій, навѣрное, не мало разсказалъ Мериме о Пушкинѣ послѣ того, какъ послѣдній оказался жертвой литературной мистификаціи Мериме, принявъ за подлинныя пѣсни «западныхъ» славянъ искуссную поддѣлку Мериме. Извѣстно, что отъ Пушкина Мериме, опять таки черезъ того же Соболевскаго, получилъ автографъ его «Гусара». Но впослѣдствіи написавшій статью о Пушкинѣ, Мериме не откликнулся на смерть Пушкина своимъ некрологомъ, хотя и существуетъ смутный русскій разсказъ о томъ, что будто бы какъ разъ по полученіи въ Парижѣ извѣстія о смерти Пушкина онъ искалъ встрѣчи съ А. О. Смирновой-Россети, чтобы поговорить о погибшемъ поэтѣ*).

*) Разсказъ объ этомъ содержится въ воспоминаніяхъ А. О. Смирновой, написанныхъ ея дочерью и, какъ извѣстно, грѣшащихъ грубыми ошибками и фантастическими сообщеніями. О. Н. Смирнова, яко бы воспроизводя слова матери, писала: «Мериме просилъ позволенія быть мнѣ представленнымъ для того, чтобы поговорить о Пушкинѣ: и Соболевскій привелъ его ко мнѣ». Переводъ «Пиковой Дамы» Мериме былъ первоначально напечатанъ въ «**Revue des Deux Mondes**» въ 1849 г. Пушкинскій автографъ «Гусара», принадлежавшій Мериме, хранится теперь въ Авиньонской бібліотекѣ и былъ отысканъ тамъ не такъ давно Анри Монго.